

ВЛАДИМИР БУРТОВОЙ

Волжский
роман

Беглая княжна Мышечка

Волжский роман

Владимир Буртовой

Беглая княжна Мышецкая

«ВЕЧЕ»

2019

Буртовой В. И.

Беглая княжна Мышецкая / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8008-9

Дочь русского воеводы города Вильны Данилы Мышецкого, казненного польским королем Казимиром, испытала на своем веку не только гибель отца, но и монашеский постриг, и персидский плен. Освобожденная разинцами, она вместе с храбрым сотником Михаилом Хомутовым и его ратными товарищами отправляется на быстрых стругах по матушке-Волге... Вторая часть дилогии о народном восстании под предводительством Степана Разина описывает период сокрушительных поражений бунтовщиков под Симбирском и отчаянного сопротивления разрозненных казачьих отрядов.

ISBN 978-5-4484-8008-9

© Буртовой В. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1. Искры горячие	6
1	6
2	28
3	37
Глава 2. Еще не крах, казаки	40
1	40
2	50
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Буртовой

Беглая княжна Мышецкая

© Буртовой В.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Искры горячие

1

Атаман Степан Тимофеевич Разин рывком откинул полог, шагнул в шатер впереди своих соратников, снял шапку с атласным малиновым верхом и раздраженно бросил ее на ковер рядом с высокой круглой подушкой. Походный дыяк Алешка Холдеев, не ведая причины атаманова гнева, сменился в лице и проворно вскинулся на ноги у столика, за которым, переписывая, множил прелестные письма для скорой отправки с нарочными в ближние и дальние от Синбирска города и села. Степан Тимофеевич на ходу провел левой ладонью по влажным кудрявым волосам, вынул саблю в ножнах из-за пояса, правой рукой взял оба пистоля разом и прошел вглубь шатра.

– Сиди, Алешка, может статься, писать будешь! Входите, атаманы, станем лбы свои морщить, как нам далее ратное дело вести. Покудова мы озабочены половиною казаков да понизовых стрельцов держать супротив синбирского острога и кремля, нам этого верткого воеводу Борятинского ни крестом, ни перстом от Волги не отогнать!

Разгоряченный вечерним сражением, атаман опустился на уютную подушку, положил по обе стороны от себя саблю и пистолы, руками охватил колени и внимательно, словно испытывая, обвел взглядом своих верных сподвижников. Темно-карие глаза атамана потеплели, когда увидел их сурово нахмуренные, но не растерянные лица. И к Лазарке Тимофееву со спросом.

– Нет ли каких вестей от наших подлазчиков в синбирский острог?

Кривоплечий и худощавый телом Лазарка боком прошел от входа, присел на ковер рядом с атамановой, обшитой голубым бархатом подушкой, взятой в памятном персидском походе, и, прежде чем ответить, досадливо дернул длинными усами.

– До сей поры в большом нетерпении жду, батько атаман. Днем из острога, вестимо, уйти хитро, вона сколько глаз на стенах порассыпано, словно гороху на току. Сиганешь в ров, а вослед тут же десяток пуль из ружей стрелнут! Но ежели и в ночь не объявятся, знать, ухватил их треклятый воевода Милославский, на дыбе ломает, – и жесткими пальцами стиснул черные деревянные ножны длинной персидской сабли-адамашки с утолщенным концом.

– Жаль будет казаков. – По уставшему лицу Степана Тимофеевича пробежала тень печали. – Пождем еще. Иного нет пока решения. Воевода Борятинский за день сражения не менее двухсот своих стрельцов да рейтар потерял побитыми до смерти и ранеными. А которые у него рейтары из татар – заметили, атаманы? – только издали палят, но с нашими казаками на сабельный размах съехаться не отваживаются, робость в душе имеют!

Лазарка Тимофеев намеревался было сказать, что и они в минувших сражениях потеряли немало добрых казаков и стрельцов, но только сжал сухие обветренные губы, не решился лишний раз печалить атамана. Да Степан Тимофеевич и сам это ведал: среди казаков весь день на коне был, а не под берегом Волги, в стругах сидел...

Атаман взглядом у входа в шатер остановил вошедшего было Яшку, сына названной матери своей Матрены Говорухи, сказал:

– Сходи, братуха, к матушке, в соседний шатер, попроси горячей каши. С голодухи все кишки перекутило. Как поговаривают в народе – гости на печь глядят, видно, каши хотят!

Алешка со своего места, хохотнув, добавил:

– Вестимо, батько, кровушки не пивши и блоха не скокнет!

Кряжистый Яков молча поклонился атаману, подождал, пока Ивашка Москаль, зять Матрены Говорухи, занял обычное свое место стража за спиной Степана Тимофеевича, шагнул к выходу.

– Алешка, помоги Якову собрать стол, – атаман повернулся лицом к своему походному дыяку. Алешка, счастливый атамановым вниманием, сверкнул юркими синими глазами, ловко подхватился на ноги и поспешил вослед Якову.

– Сей миг будет подано, батюшка атаман. Заботливая Говоруха раза три уже навевывалась узнать, не пора ли атаманов кормить? Вы покуда усаживайтесь поплотнее вокруг стола, – и выюном скользнул под тяжелый полог. Его звонкий голос донесся от соседнего шатра, в котором верные стряпухи под присмотром Матрены готовили еду атаману и его сотоварищам, не доверяя это важное дело случайным людям из опасения, что воеводские лиходеи могут отравить ее приемного сына, соколика Степанушку.

Через пару минут дородная в теле, седовласая Матрена своими руками накрыла на стол, подала казакам пшеничную кашу на сале, дымящееся и пахучее от приправ мясом в двух деревянных мисках, два кувшина опробованного, без потравы, вина, взятого еще на Самаре у кабацкого откупщика Семена Ершова.

– Ешьте, детки мои родненькие, ешьте без опаски и досыта, – Матрена ласково оглядела казацких атаманов большими печальными глазами, встала за спиной походного атамана Романа Тимофеева, который сидел крайним к выходу. – Мало будет, Яшка еще чугуна каши приволокет.

Казаки, кроме никогда не дремлющего, казалось, Ивашки Москаля, принялись за поздний ужин. Когда дошли до холодного вина и осушили по кружке в помин товарищей, погибших у стен Синбирска, за войлочными стенами шатра со стороны берега послышался строгий окрик караульного:

– Кого бесы во тьме носят? А ну, стой недвижно, покедова не пальнул в брюхо!

Издали что-то прокричали в ответ. Караульный подошел к шатру, не заходя, громко сообщил:

– Батько Степан! Кого-то из чужих детей боярских на челне к стругам привезли! Кричат, будто к тебе им дюже надобно! Что с ними делать? Пущать ли?

Лазарка Тимофеев отставил кружку с вином, оживился, вылезая из-за стола, негромко сказал:

– Должно, кто-то из наших подлазчиков воротился, батько. Дозволь самому встретить тех людей да спросить?

– Сюда их живо призови! – повеселел лицом Степан Тимофеевич – даже забористое вино не могло согнать с лица печать постоянной тревоги за своих доверенных людей, посланных к синбирским стрельцам с уговором не супротивничать казацкому войску. – Не под кустом же с ними говорить!

Через полминуты Лазарка Тимофеев пропустил в шатер двоих незнакомых посадских, молодых, не старше тридцати лет, оба с русыми кудрями под суконными шапками и у обоих зуб на зуб не попадал от озноба.

– Откель, гусята мокрые? – сдерживая смех, спросил атаман: с серых кафтанов ночных гостей на ковер у входа продолжала капать вода. – Говорите, как перед Господом, едину истину, иначе выть вам серыми волками за свою овечью простоту! К атаману всяк норовит влезть, иной и с ножом за голенищем! Ну!

– К тебе мы, батюшка атаман, к тебе и без злого умыслу! – оторопел от суровости атамана, поклонились разом посадские. – Дело-то как вышло! В ночь поплыли мы рыбачить на Волгу, ниже города, – начал сказ один из них, который побойчее нравом, а сам с любопытством зыркал глазами то на атамана, то на Романа Тимофеева: походный атаман высился над ними почти под купол головой. – Только сети надумали выметывать, как чу! – стрельба под кручей, у Черной Расщелины, что под острогом! Притихли мы с братом, убоялись голоса подать, а тут глядим – челн по Волге плывет, а людей в нем не видно. Словили мы тот челн, а в нем человек в доброй одежде служивого, пораненный. Нас увидел, за саблю схватился, посеку, кричит, ежели вы

воеводские ярыжки! А как мы назвались посадскими, то успокоился, просил к тебе, батюшка атаман, со всей поспешностью привезти. Ну, мы и смекнули – куда дерево покляпо, туда и гни. Потому как обещал большие деньги. Да мы и так бы поспешили, без денег, – смекнув, что атаману намек на вознаграждение может не понравиться, добавил от себя посадский. – Наш челн у берега с разгону о бревно ткнулся, мы и кувыркнулись с головой в воду, но служивого спасли.

– Где тот человек? – Степан Тимофеевич нашарил левой рукой шапку. – Ведите к нему!

– Казаки на струг его отнесли. Потом позвали какого-то попа, чтоб стреляную рану перевязать, а может, и пулю вытащить.

Посадские, не надевая мокрых шапок, которые перед этим снимали, первыми оставили шатер, за ними гурьбой вышли атамановы соратники. Алешка Холдеев зажег факел и пошел впереди, освещая крутой спуск к Волге. На берегу горели костры, высвечивая отдельные фигуры людей, которые то появлялись у огня, то пропадали, словно их глотала ненасытная тьма. Узнав атамана, сторожевые казаки, охранявшие казацкие суда, подивились, почему он не при войске, а у костров, но Роман Тимофеев коротко пояснил:

– Не полошиться! Перебежчик из острога пришел, атаман спрос с него снимет. А вы не спите, не ровен час, воевода на своих челнах не грянул бы по Волге! Берегите струги.

– Да мы и так глаз не смеживаем, под стать лесным сычам, – отозвался старший в карауле. – Ну, казаки, марш по местам! А вы трое – на монастырскую колокольню, оттуда Волгу далече видно!

Посадские показали, на какой струг отнесли раненого служивого, получили приказ обсушиться у костра, а утром прийти к атаману за вознаграждением, и тут же поспешили греться к ближнему огню, а старший из них, поглядывая на казацкий котел, потер руки и стал напращиваться к ужину.

– Эх-ма-а, теперь выпить бы, братцы, по чарке говядины, по фунту вина!

Степан Тимофеевич, повелев казакам накормить посадских досыта, первым ступил на сходни струга.

Длинный и темнобородый, с приметными тремя шрамами поперек лба Игнат Говорухин, прозванный в Самаре Волкодавом за свою непомерную силу, тихо постанывал, когда незнакомый чернец сноровисто перевязывал левое плечо, пробитое пулей у Черной Расщелины. Увидев Степана Тимофеевича, Игнат виновато улыбнулся, сделал попытку приподняться. Сухонький монах, врачевавший Говорухина, успев завязать последний узел, бесшумно отступил от ложа больного. У изголовья остался стоять растревоженный сотник самарских конных стрельцов Михаил Хомутов.

– Прости, Степан Тимофеевич, встать не могу, крови из меня много вытекло...

– Лежи-лежи, казак. – Атаман присел на поданный сотником Хомутовым стул, наклонился над постелью. – Где тебя подстрелили? И где твой напарник? Неужто сгиб?

– Сначала о деле... о главном, а то голова кружится, могу и вовсе потерять сознание... Помогал нам воеводский денщик Тимошка Лосев, которого ты, атаман, спосылал вместе с нами к синбирским стрельцам. Он и свел нас с ними, а более всего с Федькой Тюменевым. Прелестных писем по всему Синбирску пораскидали, большую смуту в головах стрельцов и посадских посеяли...

– Готовы ли синбирские стрельцы да казаки к нам преклониться? – живо спросил атаман, внимательно всматриваясь в бледное, потом залитое лицо Игната Говорухина: и вправду, как бы не потерял сознание, тогда и вовсе ничего не узнать!

– Готовы, Степан Тимофеевич. – Игнат делал заметное усилие, чтобы не терять нить разговора. – Более того, узнав, что воевода Милославский убирает их с северной стены...

Атаман даже привстал на полусогнутые ноги, приблизил го лову почти вплотную к лицу своего подлазчика – не начал ли бредить?

– Как это – убирает с северной стороны? Куда же?

Игнат, все чаще делая остановки в своем рассказе, пояснил:

– Он их переместит на ту стену, которая против рубленного кремля. Оттуда он не ждет вашего приступа... А супротив ваших казаков поставит... вотчинников да детей боярских...

– И много ли таких в остроге, Игнат?

– Много, батюшка атаман... что блох в мужицком тулупе. Когда мы с Никитой Кузнецовым продирались вдоль стены, то насчитывали не менее восьми человек на каждую сажень... В два ряда могут стоять и палить почти беспрестанно... потому как у каждого еще холоп за спиной с запасной пищалью...

– Эх, ты-ы, досада какая, – сокрушенно выдохнул походный атаман Роман Тимофеев, прихлопнув широченной ладонью о колено. – Густо насели боярские клопы в синбирских щелях!

– Много кипятку понадобится, чтоб их поошпарить как следует! – угрюмо буркнул скуластый Ивашка Чикмаз и лягнул саблей в ножнах, словно прямо со струга ему идти уже на новый приступ синбирской тверди с князем и воеводой Милославским.

– Мы вот о чем уговорились... с синбирскими стрельцами, – негромко проговорил Игнат и, взглядом попросив атамана наклониться, начал шептать Степану Тимофеевичу в ухо то, о чем они порешили с Федором Тюменевым. Под конец негромко, устало закрыв глаза, сказал и о судьбе Никиты Кузнецова:

– Укараулили нас воеводские ярыжки, а среди них за жоака был самарского воеводы Алфимова холоп Афонька. Переняли нас у челна, когда возвращались к тебе, батюшка атаман. Я в челне уже был, Никита и провожатый наш, стрелец Титок, на берегу бились. Меня вон пуля пробила, я на дне завалился, а что с Никитой... ежели жив, то теперь у Милославского на дыбе... А может, срубили на тех камнях, вместе с Титком...

Заскрипел зубами Михаил Хомутов, на бритых скулах желваки вздулись – знал, чем грозит верному другу боярская пытошная: воевода Милославский с живого шкуру снимет, дознаваясь о единомышленниках среди синбирских стрельцов, потому со стоном прошептал:

– Прости нас, Никитушка, коль жив в сей час! Кабы мог я чем помочь тебе...

Степан Тимофеевич насупил брови над темными карими глазами, до хруста в суставах стиснул кулаки – о том, чтобы вот теперь же проникнуть в подземелья синбирского кремля и выручить своего товарища, не могло быть и речи – крепко и недреманно сидят в крепости московские стрелецкие полки, не сыскать скорого ключа к воеводской темнице... А стало быть, надо думать о главном!

– Ну что же, воевода Борятинский! Теперь ты, как ни крути, как ни мути, да норови, чтоб самому живу уйти! Поутру мы из-под тебя одну ногу-то непременно выдернем! Так ты, Игнат, говоришь, что синбирские стрельцы, чтобы сбить воеводу с толку и не вызвать до поры подозрения, будут палить по казакам одними пыжами?

Игнат облизнул сухие губы, сухощавое, заросшее темной бородой лицо покривилось от боли, когда он попытался поднять правую руку и утереть пот, набежавший на глазницы. Михаил Хомутов тут же склонился над ним и белым полотенцем промокнул ему глаза и виски, вытер лоб со шрамами – неизгладимый след давней негданной встречи Волкодава с медведем в присамарском лесу.

– Да, Степан Тимофеевич... Иначе воевода Милославский враз смекнет об измене и тут же выйдет из кремля московских стрельцов, чтоб ударить твоим казакам в спину... А так надеется, что, коль стрельцы дружно палят из пищалей, то и отобьют приступ... с немалым для казаков уроном... Неужто что не так умыслили? – В полуприкрытых воспаленных глазах самарского Волкодава отразилось смятение. Атаман тут же успокоил Игната, легонько похлопал его по правой руке, лежащей поверх одеяла, – мокрого Говорухина успели уже переодеть в сухое белье.

– Все правильно, Игнат. Вы свое дело сделали... ты и Никита. Теперь атаманам свое дело тако же добре сделать и побить обоих воевод: того, что в синбирском кремле сидит с московскими стрельцами, и того, что к Синбирску подступил с ратной подмогой. – Степан Тимофеевич неспешно поднялся, пообещал тут же прислать на струг своего лекаря, повернулся к соратникам: – Идемте в шатер, атаманы, будем думать ночь, чтобы не вышло у нас, как у того, который по ненастью лыко драл, по ведру лапти дома плел. Надобно одолеть воевод с великим умом и с бережением наших казаков.

Пока по ночной тьме взбирались на кручу, у Степана Тимофеевича наметился план предстоящего сражения. Когда атаманы и стрелецкие сотники пришли по его зову, Степан Тимофеевич ради бережения отослал караульных казаков на полста шагов от шатра, сел на свой походный «трон», как шутливо говорили казаки про подушку, добытую в походе по персидским городам, и тут же, повернувшись лицом к давнему верному соратнику Василию Серебрякову, отдал приказ:

– Ты у нас, Васька, сам с воробья, а сердце с кошку когтистую. Тебя и пошлем на острог. Слушайте, атаманы-молодцы, как поутру учиним. – Атаман наклонился вперед, уперев локти в колени. – Поделим войско на три ряда. Первый ряд я сам поведу супротив воеводы Борятинского и полка московских стрельцов при нем из синбирского кремля, которые стоят в поле у реки Свияги. Пущай оба воеводы видят меня и мыслят, что в побитии Борятинского на этот раз и есть наша главнейшая задача. Ты, Васька, из-за нашей спины вбежишь между острогом и кремлем да на острог и навалишься, вкупе с верными синбирскими стрельцами и посадскими. А ты, Лазарка, со своими молодцами будешь вослед Серебрякову идти ради его бережения – вдруг воевода Милославский смекнет да из кремля с московскими полками ударит по острогу! Тут бы вам их и взять в крепкие кулаки. Будь воевода Милославский хоть трижды ужом, а от казацкой сабли голову не сберечь!

– Твоя правда, батько атаман, – подал голос Боба, бритоголовый, чубатый атаман запорожцев, по привычке накручивая правый ус на толстенный в трещинках палец. – Угорит наш пан-воевода в нетопленной хате!

Атаман Разин призадумался, искоса глядя на свечи, горевшие на столе в дорогом серебряном подсвечнике, и это молчание нарушил густой голос Романа Тимофеева, который спросил:

– А мне где быть, батько, с моими конными молодцами?

Степан Тимофеевич, очнувшись, дернул бровями, словно прогоняя какие-то неотвязчивые сомнения, сказал:

– Тебе, Ромашка, стоять у северной стены, где поместные да дети боярские оборону держат. Чтob они, убегая из острога, всем немалым скопом да не навалились мне в спину, альбо не побежали бы к берегу похватать наши струги и уйти Волгой к Казани.

– Уразумел, батько. Ну, что же, пойду к своим, – и Роман поднялся с ковра, на котором сидели и прочие атамановы сподвижники. – Утро вечера мудренее, позрим на воевод...

Оставив шатер Разина, походный атаман Тимофеев сыскал верного сотоварища и побратима Ибрагимку, который поджидал его у костра, и позвал с собой.

– Идем, братка, на берег. Там наши друзья-самаряне в печали. Пропавшего побратима Никиту оплакивают.

Горбоносый и кудрявый Ибрагим, показавший свою верность еще в памятном персидском походе, живо подхватился с чурбака, на котором сидел у сторожевого костра, поправил на поясе кривую кизылбашскую саблю.

– Идем, братка Роман. Про Никитку и я случайно слышал, сам думал тебя звать...

Самарские стрельцы с их сотником Михаилом Хомутовым стояли своим маленьким станом близ берега, почти у самой кручи, с которой просматривалась, особенно когда выходила из туч наполовину усеченная луна, полоса приречного песка, струги и темные стены каменного

монастыря. Самаряне не спали, делились впечатлениями минувшего днем сражения, пересказывая подробности, которые каждый из них, естественно, не мог видеть в бою. Не скупилась и на похвалу товарищам, отличившимся в драке с рейтарами и московскими стрельцами. Дорогих гостей встретили приветливо, усадили поближе к огню, предложили только что сваренной пшенной каши и принялись было дознаваться, что да как порешил Степан Тимофеевич на завтрашний день. Михаил Хомутов, удрученный до крайности потерей одного из лучших друзей, приподнял руку, негромко сказал:

– То войсковое дело, братцы, и нам походного атамана выпытывать негоже: по долгому языку атаманова сабля враз может жикнуть. А вместе с болтливым языком и голова в бурьяне очутится.

– Твоя правда, братка Михаил, – поддакнул Роман, от каши не отказался, принял глиняную миску и деревянную ложку, – как чувствует себя Игнат? Был ли у него атаманов лекарь?

– Был, – ответил Михаил, со скорбью глядя, как Ибрагим с трудом ест кашу – для него Никита Кузнецов не только друг, но и давний побратим. Ведь они спасли, каждый в свой час, друг друга в неласковой кизылбашской чужбине. Ибрагим спас Никиту от треклятой галерной каторги, помог пристать к казачьему войску Степана Разина во время похода по Хвалынскому морю¹, а Никита помог в роковой час спастись Ибрагиму от двух кровных врагов, когда те подстергли его на тесной улочке кизылбашского города Решта. – Лекарь промыл рану, приложил к ней травы... Была бы с нами Луша, она тоже умеет раны превосходно лечить... Никитушку, кизылбашской пулей в лицо битого и брошенного за городом на съедение псам, почитай с того света, как из могилы, вынула... А теперь наш товарищ сызнова на дыбе воеводской...

И от этого напоминания черная печаль будто пологом всех накрыла. Дюжий Еремей Потапов, отворачивая от жаркого воздуха крупное в оспинках лицо, в задумчивости поворошил палкой угли, не утерпел и со злостью высказал накипевшее на сердце:

– Ништо-о, мы за Никитку пометим воеводе, пошли, Господь, три ежа ему под зад! И батюшка-атаман пометит, он Никиту не забудет! А я все же одного рейтара нынче ссек с коня, как дорвались до драки впритык! А каков в сече, братцы, Степан Тимофеевич! Видели? Куда там мне или даже тебе, Миша! Будто сказочный Еруслан, ворвался во тьму вражеского войска! Рейтары от него порснули, что тебе серые мышата от кота, павшего на них с высокой кадушки!

– А ты, Ерема, расскажи, каков рядом с атаманом скакал на тех рейтар батюшка в ризе и с саблей! – напомнил рыжебородый, обычно молчаливый Гришка Суханов, устраиваясь поудобнее спать на жесткой земле.

– То не батюшка, а истинный казак! – с восхищением отозвался Еремей Потапов. Он прилег рядом с Сухановым, облокотился на правую руку, головой к костру. – Откуда он в казацком войске? – Еремей спросил, подняв голову в сторону Романа – походный атаман ближе к Разину, должен знать многое.

– В Царицыне он пристал к нам. Помогает сочинять прелестные письма, а наш походный дьяк Алешка Халдеев переписывает их набело, – ответил Роман Тимофеев. – Я сам был неподалеку от батюшки Степана, видел, как уже под вечер, когда мы напоследок кинулись гнать рейтар воеводы Борятинского, тот батюшка с саблей в руке и с большим крестом на шее пообок со Степаном Тимофеевичем скакал. И своей рукой одного сына боярского саблей сколол!

– Дивно! Батюшка, а так саблей владеет, – будто с недоверием проговорил Федька Перемыслов, зажмурив от пахнувшего в лицо дыма глубоко посаженные под лоб глаза, отчего он, казалось, всегда смотрит на людей с затаенной настороженностью. Ему с пешими самарскими стрельцами не довелось вблизи видеть боя с рейтарами. – А откуда он в Царицыне объявился? Может, давно среди казаков проживает? Мало ли что с людьми происходит...

¹ Каспийское море.

– Того он никому не сказывал, разве что только самому батьке Степану? – пожал плечами Роман. – Может статься, сей человек, как говорят в народе, все кузни исходил, а некован воротился, искал правду у царя да у бояр, теперь вот у нас ищет...

– Видно по ухватке бывалого человека – как коня сам седлает, как с оружием сноровисто обращается, – поддакнул походному атаману Гришка Суханов.

Михаил Хомутов, лишь на миг прогнав с лица печальное выражение из-за пропавшего Никиты, проговорил, будто сам себе:

– Мне кажется, что я этого батюшку где-то видел несколько лет тому... Но где? Может статься, что и в Москве, когда лет с шесть тому назад от воеводы и князя Семена Шаховского ездил с пакетом в приказ Казанского дворца. Альбо в каком городе по той дороге в Москву, – уточнил он, улегся головой на свернутый кафтан, добавил: – Выдастся случай, спрошу как бы ненароком...

Роман и Ибрагим, простившись, ушли к себе в шатер рядом с шатром Разина, а самаряне лежали, слушали фыркание привязанных неподалеку оседланных коней, гул медленно засыпающего воинского лагеря, далекие покрики караульных: «Слушай!» И думы были о неизбежном завтрашнем, быть может, решающем сражении.

* * *

Зеленые с желтизной глаза Афоньки сверкнули так зло, что воевода князь Иван Богданович Милославский невольно поежился, подумав: «Экий зверюга вырос из холопа самарского воеводы Ивашки Алфимова! Неужто и впрямь был так предан хозяину, что и после гибели мстит неустанно?» – спросил с надеждой:

– Неужто словил воровских подлазчиков?

– Словил, батюшка воевода и князь Иван Богданович! Не обманулся намерении, их я видел в толпе переодетыми в детей боярских, их заприметил! – Афонька, будто думный дьяк наипервейший, важно пригладил знатную бороду, которой так гордился совсем еще недавно перед самарскими вдовушками. – Одна жалость – троих ярыжек побили воры до смерти. Зато один вор-стрелец из синбирян побит, другой, Никитка Кузнецов, из самарян, скручен, а третий давний самарского воеводы недруг и разинский с прелестными письмами в Самару подлазчик Игнатка Говорухин из ружья бит. Его Волга на низ унесла. Ежели пострелян не до смерти, то за ночь кровью изойдет. Должно, прибило челн где-то к берегу и воронье ему поутру глаза выклевало уже.

– Слава тебе, Господи! Остался вор Стенька без изветчиков о делах в остроге! Не зря говорят о таком простофиле – не столько намолотил, сколько цепом голову наколотил! Неумеха! Молодец, Афонька, будет тебе за верную службу награда! – Иван Богданович, довольный, что набеглый атаман не получил нужных ему сведений из острога, потер ладонями, прошел по горнице. – Попа-а-лась ворона в сеть! Пытать ее, не станет ли петь нам про умыслы воровские! Где теперь тот подлазчик?

– Я повелел ярыжкам оттащить в пытошную башню да на цепь посадить для большей надежности. Уж больно сноровист и силен тот Никитка, сумел даже из кизылбашского плена живым выйти. Как вашей милости будет досуг, поспросить с пристрастием надобно.

– Похвально, похвально. Я доволен твоей службишкой, Афоня! Вижу, пострадал! Вона, синяк какой... Не уберется.

Афонька осторожно потрогал припухший левый глаз – синяк виден даже из-под черной повязки, которую он носил на лице ради изменения своего облика, опасаясь за свою жизнь от рук пришедших к Синбирску самарян, особенно от сотника Михаила Хомутова – ведь это он, Афонька, был с воеводой Алфимовым на подворье сотника, когда его хозяин прокрался в горницу к Аннушке Хомутовой в надежде сломить ее к блуду, да не смоги этого добиться,

кинжалом заколол красавицу. Разбой этот открылся, воеводу Алфимова самаряне утопили, а Афонька счастливо сошел из Самары, но страх кары, словно тень, постоянно при нем...

– Силен и зверолют тот вор Никитка Кузнецов. Кабы не грянули из засады, не сдюжили бы мы с ними в открытой драке. С рассветом надобно бы, батюшка Иван Богданович, послать стрельцов по Волге, сыскать уплывший челн и Игнатку Говорухина. Вдруг да не до смерти бит? Знавал я его – живуч не в меру сей охотник на волков! Один раз из-под павшего на него медведя счастливо выдрался!

Иван Богданович согласно кивнул головой, пошарил в кармане, не вынимая руки, набрал пять рублей серебром, брякнул деньги на стол и указал на них пальцем:

– Возьми за старание, Афонька! Бунт воровской утишится, тебе рублики сгодятся для обустройства нового дома и семьи. А теперь иди отдыхай, а я тут поразмыслю, что далее делать.

– Прости, батюшка князь Иван Богданович, что лезу к тебе со своими глупыми советами...

– Говори, – разрешил воевода. «Ум бороды не ждет, от роду дается», – подумал Иван Богданович. Он видел, что не так уж и глуп этот холоп, послушать будет нелишне.

– Надобно того вора Никитку поспрашать безотлагательно. Может статься, что под пыткой назовет изменщиков из синбирян, ежели таковых успели сыскать эти разинские подлазчики. И отловить, покудова какой порухи великому государю и царю Алексею Михайловичу не учинили в остроге.

Иван Богданович потер пальцами затылку, признал совет Афоньки весьма дельным.

– Пошлю дьяка Лариона Ермолаева списать расспросные речи с первой пытки. Позрим, какую лживую песенку он нам придумает!

Афонька, бережно сняв рубли с воеводского стола, отпятился к двери и тихо вышел. Иван Богданович подошел к распахнутому окну в сторону острога: город спал, окольцованный сотнями факелов, которые горели по всем стенам, обозначая границу владений воеводы князя Милославского – далее вторую ночь «царствовал» набеглый атаман казацкой и понизовой вольницы...

– Эко утеснил нас аспид² некрещеный! Шагу не ступить от стен города! И воевода князь Юрий Никитич не в силах отогнать казаков. Надежду оба мы питаем на князя Петра Урусова, который вот-вот с подмогой от Казани поспешит к Синбирску. Но когда подступит? Тимошка, подь сюда!

На его властный покрик тут же бесшумно открылась дверь и व्यюном влетел в горницу расторопный денщик Тимошка Лосев. На красивом румянном лице ни кровинки, словно он только что вынут из дикой и жутко холодной воды – омута.

– Слушаюсь, батюшка князь Иван Богданович!

Воевода в немалом удивлении уставил взор в облик денщика, которого привык видеть всегда улыбчивым и беззаботным.

– Что за вид, будто у висельника? Чем встревожен так? Я ведь отпускал тебя в канун воровского подхода к Синбирску, чтоб навестил свою молодую женушку. Так что? Аль дома не сыскал? А может, какой казак с собой в табор уволок? – пошутил князь Иван Богданович, пытаюсь дознаться причины унылого вида своего любимца.

– Добра ли ждать нам, батюшка воевода Иван Богданович? Вона как обступили кругом воровские казаки...

– Ну так что – обступили? Зайца барабанным боем не выманить из леса! Тако и мы с тобой, на всякий воровской покрик с поля, из Кремля не вылезем бездумно. Покудова мы за крепкими стенами, вор Стенька нам не страшен. Царские ратники непременно придут нам в подмогу. Не дело стрельцу так в лице меняться, один день со стороны посматрив на сражение.

² Аспид – ядовитая змея, здесь: злой человек.

– Я-то не за себя боюсь, батюшка воевода. Каково будет моей молоденькой женушке Василисе, ежели какой вор на нее алчный глаз положит... – нашелся наконец-то что ответить Тимошка, хотя душа пребывала в пятках. Не сказывать же в самом деле воеводе, что при возвращении из своей слободы в Синбирск был он ухвачен разинскими дозорами, приведен в их стан, допрошен атаманом Лазарком Тимофеевым. После искренних ответов батюшка Павел привел его к присяге на верность казацкому войску. С ним и проникли в город посланцы Степана Тимофеевича, он свел их с родственником своим Федором Тюменевым. И вот только что, возвращаясь в кремль из острога после ухода атамановых посланцев и пребывая в радости, что так ловко удалось выполнить наказ атамана, он вдруг у приказной избы носом к носу столкнулся с ярыжками, которые во главе с «Кривым» волокли повязанного и побитого в кровь Никиту Кузнецова. Как увидел, так и обмер, смекнув, что выследили-таки подлазчиков, двоих, должно, побили, а Никиту изловили и теперь до смерти запытают, дознаваясь о соучастниках сговора. А среди них и он, Тимошка, не последним был. Ведь это он, воеводский денщик, тайно провел через лаз в частоколе разинских посланцев. И клялся атаману Разину своей головой, что готов послужить казацкому войску с чистой совестью и без обмана!

«Бежать! Немедленно бежать из кремля к Степану Тимофеевичу! – была первая спасительная мысль. – Скажу, что пропали его доверенные...» – и тут же новый озноб пронзил тело – а поверит ли ему суровый атаман? Не обвинит ли в измене, скажет, что умышленно завлек посланцев в ловушку воеводы? И голову снимет...

– Не полошись раньше черного дня, – на страхи денщика ответил воевода. – Бог даст, сумеет твоя Василисушка как ни-то схорониться от воров... Теперь к службе, Тимошка. Сыщи дьяка Ларьку и спроводи в пытошную. А потом и ко мне с расспросными листами пушай спешно воротится. Беги, не мешкай, иначе дьяк уснет, из пушки его не добудиться тебе.

– Сыщу и скажу, батюшка князь Иван Богданович, – серые глаза Тимошки ожили, когда понял, что воевода самолично до поры не собирается спускаться в подземелье кремлевской пытошной башни, а дьяк Ларион не ахти какой допросчик, да еще в смрадной пытошной. Он поправил свою короткую волнистую бородку, заверил воеводу: – И опросные листы принесем к утру.

Воевода, словно повторяя Тимошку, пригладил пышные, с редкой сединой волосы, махнул рукой Тимошке, чтоб шел и исполнял повеление, а сам решил вздремнуть до света – ночь, верно, к своей серединке уже подступает, не грех и очи смежить...

Сыскать дьяка синбирской приказной избы Лариона Ермолаева было не трудно. Убрав бумаги, исписанные за день, в стол, он собирался было идти домой, да Тимошка Лосев перенял его у порога.

– Не до постели теперь, дьяк Ларион, – как равному сказал воеводский денщик, – велено нам с тобой сойти в пытошную и снять первый спрос с воровского подлазчика, которого недавно изловили у волжского берега.

У Лариона вскрученные на концах усы дернулись в удивлении – он, дьяк, ни слова о том не ведал, хотя его ярыжки, кажется, прощупали каждую складку стрелецкого кафтана, а не только переулки города. «Воевода своих людишек послал, – с обидой в душе догадался дьяк Ларион, вспомнив нового одноглазого воеводского доверенного Афоньку, который появился в кремле невесть с какой стороны. – На моих ярыжек не положился...»

– Кого же изловили? – спросил, выбирая из стола чистые листы бумаги. – Казаков пришло?

Тимошка пожал плечами, показывая, что этого он не знает.

– По одежде, как успел заметить мельком у ворот башни, так схожи со служивыми, будто дети боярские, – ответил Тимошка, а сам напряженно думал, как бы вызволить атаманова человека из пытошной, пока его вовсе не изломали на дыбе.

– «Никита не мизгирь³, но на дыбе и из него могут ниточку потянуть, коль жаровню под босые ноги подсунут! Коли словили на берегу, не отговорится, что вышел рыбачить! Сломается Никита – всех огласит. Тогда и мне дыбы не миновать... ежели не успею через стену кремля перепрыгнуть», – размышлял Тимошка, по крутой лестнице спускаясь в подземелье, а навстречу уже явственно долетал запах разгорающегося древесного угля жаровни – дверь в пытошную была приоткрыта, и Тимошка, глядя в сырой сруб, из-за спины дьяка успел разглядеть Никиту Кузнецова. Продолговатое, кровью испачканное лицо, длинный шрам от давней кизылбашской пули на левой скуле до уха, русая коротко стриженная борода тоже вся испачкана кровью, а в синих уже припухших от битья глазах невольно полыхнуло удивление и негодование.

«Неужто Тимошка нас предал? – было первое, что промелькнуло в гудящей от боли голове Никиты, который висел на вывернутых затекших руках. Нестерпимо болели обе ноги после афонькиного удара ослопом там, на берегу Волги. – Не-ет, не Тимошка виновен... Это Афонька приметил нас с Игнатом, приметил в остроге и донес воеводе. По воеводскому повелению изловили... Зачем же Тимошка здесь? Должно, увериться хочет, что я не выдам Федьку Тюменева, родного брата его Василисушки, и прочих заединщиков... Ох, бедная моя Параня! Молись Господу, знать пришел мой крайний час... Вона, здешний кат звероподобный уже железные щипцы достает, на угли раскладывает... Лушенька, неужто твои заговоры на нас с Михаилом перед синбирским походом впустую сказаны были? Неужто твое нежное сердечко не чувствует беды, которая свалилась на мою голову?» – Никита исподлобья глянул на Тимошку, и тот сделал ему успокаивающий знак рукой, неприметный для дьяка Лариона и ката.

Дьяк прошел к грубо сколоченной табуретке около голого стола, небрежно кинул чистые листы рядом с заточенными белыми гусиными перьями, уселся на стул с круглым сиденьем без спинки. Заросший черной бородищей хромоногий кат в холщовой рубаше с веревочной опояской разворочил жаровню, готовясь приступить к привычному делу – жечь пятки, грудь, бока или спину, добывая у беззащитной очередной жертвы нужные воеводе признания. А после пытошной пойдет к себе в чулан близ приказной избы, напьется до потери сознания и будет спать, пока его сызна не поднимут...

Тимошка, от отчаяния осмелев до дерзости, решил сразу же повести дело так, как лучше для Никиты, а не для сыску.

– Не чади углями, Николка, потому как батюшка воевода велел снять первый спрос без пытки, – сказал он, усаживаясь на соседний стул рядом с дьяком Ларионом. – Князь Иван Богданович сам с рассветом спустится сюда, прочитавши первые слова подлазчика. Ему попервой знать надобно, что за человек на Волге словлен, куда и зачем из города уйти вознамерился. Один был альбо еще с кем? – Хитрый Тимошка выложил эти вопросы, показывая Никите, что воеводе о нем конкретно ничего еще не известно. Откуда ему было знать, что Афонька уже донес о подлазчиках князю и получил повеление на тайный догляд и поимку. Важно было уберечь Никиту от пытки и как-то вытащить из безжалостных лап воеводы... Но как? Саблей посечь дьяка и ката Николку? Одного срубишь – другой заголосит, стрельцов у входа всполошит, не дадут вывести...

– Ну, вор, сказывай по доброй воле, кто ты есть и зачем изменил великому государю и царю Алексею Михайловичу? – дьяк Ларион по давней привычке задал свой первый вопрос, брезгливо осмотрев побитого и кровью испачканного разинского подлазчика.

Никита облизнул опухшие губы, в минутном раздумье опустил голову. Запираться излишне нет никакого резона, потому как Афонька все равно изобличит. Поднял голову, глянул в красивое лицо дьяка Лариона, на его ухоженную бородку клинышком, подивился, что у дьяка такие ангельски-добрые глаза.

³ Мизгирь – ядовитый земляной паук, тарантул.

– Великому государю и царю Алексею Михайловичу присяги я не рушил, потому как понизовой люд поднялся не на государя, а на пакостных, великому государю мешающих справедливо править народом бояр. Да с нами же идет на Москву и царевич Алексей с низложенным злыми же боярами патриархом Никоном. А боярам лихим я не присягал на верность.

– Воровские речи ведешь, изменщик! – построжал голосом дьяк Ларион. – Нет у государева трона лихих бояр! Лихие людишки совокупились около воровского набеглого атамана Стеньки Разина! И царевич Алексей Божьей волей сам умер, а Никон низложен с патриаршества и заточен безвылазно в монастырь! Сказывай, кто сам и откуда в остроге синбирском объявился?

– Сам я стрелец самарский, прозван Никитой Кузнецовым.

– Та-ак, пишем: «А в расспросе показал себя самарским стрельцом Микишкой Кузнецовым...» А с тобой кто еще был при поимке? Сказывай, вор, все без утайки. Ведомо ведь, что топор своего дорубится! Подобру не оглаголишь своих сотоварищей, с пытки дознаем. Стократ тебе же будет хуже!

– Был со мной еще самарский посадский человек Игнат Говорухин да тутошный рыбак со слободы, именем Гаврюшка, а прозвище его мне неведомо. – Никита решил не называть бывшего с ними синбирского стрельца Титка, которого Федор Тюменев посылал ночью проводить Никиту и Игната до Черной Расщелины, чтобы безопасно покинуть на спрятанном там челне острог. – Да и к чему было знать, потому как сказались мы тому Гаврюшке детьми боярскими, а город, де, покидаем по приказанию воеводы Ивана Богдановича для тайного досмотра воровских стругов на Волге, чтоб те струги нечаянно пожечь... Погиб человек зря, нашими копейками не попользовался. Игнат тоже побит, сам видел, как он в челн упал, подстреленный, – Никита добавил это от себя в надежде, что воевода не кинется искать Игната на Волге.

Дьяк Ларион писал быстро, красиво, чтобы воевода не утруждал слишком очей, читая эти опросные листы.

– Кем ты, вор Микишка, был послан в острог, к кому и для какой надобности? – и дьяк поднял на Никиту внимательный, но отнюдь не грозный взгляд. Бородатый кат Николка, шмыгая жутким, с рваными ноздрями носом, возился в дальнем углу у жаровни, мучаясь бездельем – и спать не дают, и дело не движется...

Никита думал недолго – ясно дело, проник в острог не в купеческой лавке кафтан себе новый купить!

– Послан я атаманом Степаном Разиным для тайного догляда за ратной силой в остроге. Да где и как крепкие ли стены, чтоб приступ верный делать. Высмотрев, собрались было возвращаться, да нечистый попутал, на воеводских ярыжек наскочили. Знамо дело, на своем пепелище и курица бьет, в своем городе и ярыжки каждую лазею знают, вот мы и угодили к ним в руки.

– Та-ак, – протянул Ларион, записывая слова Никиты, а тот снова, поочередно, глянул на лохматого, давно в бане не мывшегося ката, на скрипящего гусиным пером дьяка, чуть заметно подмигнул Тимошке, кивнул головой в сторону, где стояло станом войско атамана Разина.

Никита напустил на себя простоватый вид, сокрушенно вздохнул:

– Про меня это не мимо сказано – некуда оглядываться, когда смерть за плечами! Не резон и мне запираяться, пойманному. Проклянет нас теперь атаман, помыслит, что мы к воеводе переметнулись, – и снова мельком на Тимошку глянул, словно приказывая: «Оповести атамана, что с нами приключилось, да о замысле здешних стрельцов поведай! Иначе быть большой беде!»

Тимошка прикрыл веками глаза, давая знак Никите, что он его хорошо понял, а на слова Кузнецова попытался было шутить:

– Не тужи, стрелец, по бабе – Господь девку даст! Не тужи, что у атамана ты теперь в мыслях повешен; коль послужишь воеводе Ивану Богдановичу, то и милость получишь. Не так ли, дьяк Ларион?

– По службе и чины... – отбурчался дьяк Ларион, и снова со спросом. – К кому из здешних посадских явились? И был ли кто с вами в воровском сговоре супротив государя и царя Алексея Михайловича? – задал новый вопрос Ларион Ермолаев, хорошо знающий, что город оказался наводненным прелестными письмами от Степана Разина, ярыжки не поспевали их выхватывать из рук синбирян.

– Нам того делать было не велено, дьяк, потому как с прелестными письмами были посланы другие люди.

Дьяк живо вскинул голову, пытливо глянул в измученные болью глаза. Спросил:

– Назови, кто да кто из воров послан с теми прелестными письмами? У кого укрываются?

Не успел Никита ответить, как Тимошка, пристукнув для строгости ладонью о столешницу, задал вопрос, от которого, как он думал, можно будет впоследствии попробовать извлечь немалую пользу:

– Узнал бы ты тех воровских подлазчиков из разинского стана, ежели бы внове встретил в остроге? Говори по доброй воле, коль не хочешь поутру познаться с мастерством и сноровкой ката Николки!

Как ни болела от побоев голова, но Никита смекнул, что Тимошка подбрасывает ему надежду спастись из пытошной. Нахмутив брови, он страдальчески поморщился, глянул на дьяка Лариона, который оторвал взгляд от бумаги и с подбадривающей улыбкой ждал ответа.

– Ну, что же, не один рак назад пятится, в иную пору и умному человеку тако же сделать не грех. Тем паче, что на мне присяга великому государю и царю Алексею Михайловичу... Пиши, дьяк Ларион, что по доброй воле готов я поутру указать воеводским ярыжкам трех мне ведомых из Самары посадских, коих атаман Разин послал в острог с наказом смущать стрельцов к измене... Не велик грех ляжет на мою душу, потому как то люди холостые, один из бурлаков, а двое пришлые бобыли бездомные. На атаманово золото польстились, следом за мной и Игнашкой через потайной лаз в стене пролезли. Известите воеводу, что ежели дарует мне живота, готов услужить ему.

– Добро, вор Микишка. Теперь же поспешу к воеводе и князю, а какова будет его воля, опосля тебе известят! – Дьяк, довольный податливостью разинского подлазчика, дописал последние слова, размахисто, любуясь своей работой, подписался внизу, встал.

– Виси покудова, вор, а я воеводе твои показания снесу.

– Воды глоток бы, дьяк, нутро жжет... Как бы дотянуть до утра, а то и с воеводой поговорить не доведется, – с трудом проговорил Никита, рассчитывая больше на Тимошку, чем на дьяково сострадание. Прежде чем дьяк Ларион подумал, потакать ли вору в его просьбишке, Тимошка прошел в угол, медным ковшом нырнул в кадь с водой и из собственных рук напоил висевшего головой почти до пояса Никиту, для чего левой рукой он поддерживал голову стрельца под подбородок. Хотелось утешить и обнадежить как-то Никиту, да дьяк Ларион стоял рядом, слова лишнего не скажешь...

У выходных дверей как раз менялся караул, четверо стрельцов заступали на службу у двери в пытошную. Тимошка довольно громко сказал дьяку Лариону, а более того – для ушей караульных:

– Надобно до рассвета вора Микишку спроводить к стрелецкому голове Жукову, чтоб с его согласия ярыжки провели подлазчика по городским стенам для опознания разинских людишек.

– Скажу воеводе Ивану Богдановичу, и коль повелит... – не закончив говорить, дьяк Ларион нырнул в дверь приказной избы, чтобы отпить квасу после затхлого воздуха подземелья и уже после этого подняться к воеводе.

Тимошка подмигнул знакомому стрелецкому десятнику, который был за старшего в карауле, назидательно сказал:

– Не спите тут, Трофимка! Может статься, меня воевода пришлет за пойманным вором сопроводить его в острог... Пойду покудова хоть ноги вытянуть на часик-второй.

– Иди, Тимоха, – равнодушно отозвался пожилой стрелецкий десятник, широко зевнул ртом, заросшим рыжеватой бородой, и поднял взгляд к сумрачному, тучами укрытому небу над притихшим Синбирском. – Как бы дождя к утру с казанской стороны к нам не надуло...

* * *

Ранним утром, за час до восхода солнца, обстреляв из пушек рейтарские полки воеводы Борятинского и при нем полк московских стрельцов от воеводы Милославского, войско атамана Разина, поддержанное тремя сотнями конных казаков и стрельцов, навалилось на противника, норовя сойтись не только на близкий ружейный бой, но и на рукопашную схватку, чтобы использовать свое численное преимущество.

Одновременно отряд походного атамана Василия Серебрякова, словно отслоившись от главных сил, быстрым бегом устремился в неширокое пространство между острогом и кремлем. Не вот вдруг стрельцы на стенах кремля, да и сам взбуженный пушечной пальбой воевода Милославский сообразили, что же задумали разинцы? Неужто кинутся на высокие стены кремля вот так, с голыми руками, без штурмовых лестниц? Это все едино что головой надолбы рушить! Но разинские казаки хлынули в ров острога и кинулись к воротам верхней стены. По ним стали густо палить синбирские стрельцы, да с некоторым опозданием по команде командира стрелецкого полка Василия Бухвостова начали стрелять и со стен кремля. Густые клубы порохового дыма на какой-то миг едва ли не целиком укрыли атакующих, а когда он рассеялся, глазам воеводы предстала странная картина происходящего сражения.

– Да что же это творится, Господи?! Погибели на них, что ли, нет? Лезут, как тараканы живучие! Побитых-то во рву нет и в помине! Как же так, а? – Воевода Милославский взъерился не зря, видя, что казаки и понизовые стрельцы бесстрашно лезут на частокол острога, а те, которые добежали до ворот, навалились на них и распахнули так легко, будто они и не были изнутри заперты. Казаки, словно весенний пал по степи, хлынули в острог, а иные, ухватившись за протянутые со стен кушаки или по брошенным вниз лестницам, лезли через частокол, спеша побыстрее очутиться в остроге.

Воеводу Ивана Богдановича едва удар не хватил от увиденного. Со стоном, проговорив чуть слышно, чтобы ближние стрельцы не распознали: «Своровали! Измена!» – он отшатнулся от деревянной стены, крикнул денщика, надеясь, что он где-то рядом.

Андрей Шепелев, чьи стрельцы под утро несли караул в кремле, ответил воеводе, не скрывая своего удивления:

– Не вернулся еще ваш денщик из острога, воевода князь Иван Богданович. А теперь, надо думать, и вовсе там застрянет. Вона какая кутерьма затевается. Отобьются ли синбирские ратники?

– Да не посылал я его утром в острог! – растерянно пробормотал воевода, размышляя, не заснул ли он какого приказания своему денщику? И снова распорядился. – Притащите сюда разинского подлазчика из пытошной! Я его заместо пыжа в пушку велю забить и по ворам пальнуть. А не влезет в пушку, повесить его на высоком глаголе⁴ угловой башни!

Из-за стрельцов к князю Милославскому протиснулся с повязкой на глазу Афонька, за ним четверо воеводских ярыжек. У Афоньки на лице злость вперемешку с растерянностью.

⁴ Глаголь – виселица в виде буквы «Г».

– Я только что из пытошной, батюшка князь Иван Богданович! Караульный десятник сказывал, будто по твоему приказу, ему и пакет за твоей печатью показали, денщик Тимошка Лосев, забрав двух караульных, свел Никитку Кузнецова в острог, якобы к стрелецкому голове Жукову. – И поклонился, а глазом будто спрашивал: так ли было? Или...

– Господи-и, своровал Тимошка! Своровал и разинского подлазчика свел в острог! Афонька, сыщи и приволоки его ко мне! С живого шкуру сниму, чтоб иным неповадно было!

– Коли быть собаке битой, найдется и палка! Сыщу, ежели только его в той кутерьме не порешили! – кивком головы указал на острог.

Левее воеводы кто-то из московских стрельцов громко выкрикнул, указывая рукой вниз, на город.

– Зрите, зрите! Вона, уже и тамошние синбиряне-стрельцы с боярскими детьми, будто собаки, став на дыбки, зев в зев грызутся!

– В народе, что в туче: в грозу все наружу выйдет! Переметнулись синбиряне на сторону атамана Разина!

– Тако же было и в иных городах на Волге...

– Коль нас не пошлют на острог – воровские казаки с тамошними стрельцами и с посадскими быстро сомнут поместных да детей боярских. Добро еще, что воровские казаки до Москвы не дошли...

Иван Богданович, собрав все свое мужество, тремя шагами снова подошел к краю стены, глянул сверху: словно огромная куча сухостоя, к которому поднесли пучок зажженной соломы, в городе вспыхнул пожар восстания. Казаки походного атамана Серебрякова и стрельцы кинулись к стенам сбивать прочь поместных людей и детей боярских, стреляли по ним из-за плетней и заборов, с крыш амбаров, теснили копьями и бердышами вдоль частокола, отжимая к волжской части острога, и многие из обреченных на смерть прыгали вниз, катились с кручи, предпочитая сломать себе голову, но не даваясь мятежникам в руки. В городе вылавливали наиболее злобных воеводских приказных ярыжек, мздоимцев дьяков и подьячих, бессердечных прижимал откупщиков и промысловиков, которые не смогли покинуть свои дома до прихода понизовой вольницы.

Полыхнули в нескольких местах языки красных вечно голодных петухов, заголосили перепуганные домочадцы, не имея возможности тушить пожары или спасти домашний скarb...

Первой мыслью воеводы Ивана Богдановича было послать полк московских стрельцов во главе с самим Бухвостовым, чтобы ударил на острог и побил вбежавших туда разинцев, но, присмотревшись, увидел, что не менее тысячи хорошо вооруженных пеших казаков и стрельцов стоят под острогом, как раз у того места, где прорвались первые отряды разинцев, и готовы выручить своих, если из кремля выйдут московские стрельцы. Бухвостов по взгляду воеводы и по той скорбной мине, которая появилась на его лице, понял, о чем думал князь воевода Милославский.

– Они только и ждут моего вывода, чтобы отсечь от кремля, князь Иван Богданович. Но, ежели прикажешь...

– Кабы Господь послушал дурного пастуха, так бы весь скот передох! Негоже и мне хвататься за первопришедшую мыслишку, всего не обдумав! Один полк у воеводы князя Брятинского, другой ты уведешь на погибель, а мне с какими силами твердь синбирскую держать? Не-ет, потеряв острог, я удержу кремль и воровское скопище подле кремля! Пусть теперь воевода Юрий Никитич озаботится, как ему сладить дело с набеглым атаманом! В поле – две воли, кому Господь поможет, не так ли, полковник?

* * *

Тяжко было детям боярским в остроге, но они бились, питая надежду на выручку из кремля либо на рейтарские полки воеводы Борятинского. Но надежды эти оказались зыбкими, как тот пороховой дым, которым встретили синбирские стрельцы атакующих острог казаков...

Не легче было и самому воеводе Юрию Никитичу. Дрогнули рейтары, не выдержали казачьего натиска, к тому же стрельцы московского полка, когда увидели, что в острог ворвались разинцы, попятились под защиту пушек кремля и обнажили правый фланг рейтарских полков. Туда ворвались конные казаки и стрельцы, с тыла налетели на обоз, прижали к телегам немногих пеших рейтар.

Сам Юрий Никитич, не сумев уйти на пораненном коне вместе со своими всадниками, был сбит на сырую землю огромным по росту конным стрельцом, который заломил ему руки за спину и привязал к тележному колесу накрепко.

– Попался, боров толстобрюхий, попался! Три ежа тебе под зад! – ликовал конный стрелец. – Коль не запряжится воевода Милославский, так обменяем мы тебя на нашего дружка Никиту! А покудова сиди здесь смирно и не дергайся! – и рябой стрелец так двинул кулачищем в живот, что Юрий Никитич подумал от боли, что ему всадили в чрево огромный осиновый кол, какой втыкают в грудь страшным кладбищенским нечистям. Стрелец вспрыгнул в седло, ударил коня и погнал его вдогон своим друзьям, которые теснили рейтар, отходивших к берегу Свияги, подальше от Синбирска.

Вслед за конными на обоз набежали пешие разинцы, крича для собственной бодрости боевой клич казаков «Неча-ай!». Кто издали стрелял в рейтар из ружья, а кто впопыхах подхватывал брошенное врагами оружие и бежал к дерущимся у опушки глухого леса над Свиягой, окутанной утренним туманом, который густо смешивался с пороховым дымом.

Неожиданно, словно взглядам запнувшись о воеводу, перед ним остановился в добротном кафтане ратник, скорее, из детей боярских, нежели из стрельцов. Воровато оглянувшись, он ловко срезал веревку с рук воеводы и прошептал:

– Беги, князюшка Юрий Никитич! Негоже войску без головы быть в такое лихое время! Беги, вона и конь без седла – хоть охлябь⁵, да верхом, все вернее будет! Только скинь свой наряд, а этот, мужицкий кафтан обозного, надень!

Воеводу князя Юрия Никитича дважды уговаривать во собственное спасение не надо было, тем паче речь шла о смерти в руках мятежной вольницы. Переодеваясь, торопливо спросил:

– Кто же ты, человеке? – а сам едва успевал отдышаться после удара в живот злопакастого стрельца с рябым лицом. – И как ты у воров оказался? Своей ли волей, по неволе ли? – Торопливо просунул руки в тесноватый, пахнувший дымом костра кафтан с рваной подмышкой, рассматривая долголицего с морщинами у рта и у глаз человека. Видно было, этот человек за сохой по пашне не хаживал, да и в лесу дрова топором не валил.

– Перед тобой, князь Юрий Никитич, горемычный воевода камышинский Ефим Панов, – и поклонился еле приметно, чтоб пробежавшим мимо стрельцам не показалось подозрительным.

– Как же ты вкупе с ворами оказался, воевода? – удивился воевода Борятинский, с укором разглядывая рано поседевшего Ефима Панова – борода и виски сплошь белые, а ему едва ли сорок лет исполнилось.

– Сладка ли жизнь в неволе, князь Юрий Никитич? От горя и седой волос раньше срока созрел!

⁵ Охлябь – без седла.

– Так давай вместе и бежим! Скакнем в кусты, да и будь здоров, атаман воровской!

– Казаки у меня дочку сманули! Ушла с их атаманишкой Васькой Серебряковым против воли родного отца! Вокруг куста ракитного венчана по казацкому обычаю! Можно ли такое снести смиренно отцу, который в ней души не чаял с малых лет? Не-ет, придет и мой час отвести искалеченную душу... Есть у меня верные люди среди бывших московских стрельцов, к Стеньке еще в Царицыне примкнувших по великой глупости. Умыслили мы Стеньку ухватить и в Москву живьем привезти. А не удастся живьем, так хоть воровскую голову в мешке... Беги, князь, авось свидемся!

– Добро же, помогай вам Бог в святом деле! Попомню я пред государем твою верную службу, – пообещал воевода Юрий Никитич, высматривая путь, как ему удобнее выбраться из обоза.

– Хотя бы имя мое анафеме не предали, будто ушел я с вором своей волей и служу ему с охотою, – попросил камышинский воевода, проворно подхватил свой бердыш – к обозу подбегали еще стрельцы из войска атамана Разина – и побежал вслед за пешими стрельцами.

Следом же, выбрав удачный момент, и воевода Борятинский верхом на голой спине лошади, переодетый в кафтан обозного возчика, неприметно поскакал в сторону от казаков.

А у разинских конников словно крылья за плечами выросли! Они настигали уходящих рейтар, раз за разом схватывались с ними, рубили, теряя в сече то одного своего сотоварища, то другого...

– Миша-а, – прокричал сбоку неутомимый Еремей Потапов, – гляди, походный атаман знаки подает!

Сотник, заметив знак атамана Лазарки Тимофеева попридержать коней, зычно крикнул своим конным стрельцам:

– Осади-и! Осади, ребята! Всем собраться под прапорец! Не зарывайтесь далее! Видите, запорожцы атамана Бобы уже поворотили от Свяги! Отходи к обозу! Нас походный атаман там ждет!

Подъехали разгоряченные боем друзья, а более всего сиял Еремей Потапов от счастья, выпавшего на его долю словить самого воеводу Борятинского. Лицо его сияло радостью, хотя и был задет рейтарской пикой в левую ногу и теперь держал кровоточащее место ладонью. Рядом с Еремеем ехал рыжий, с бесцветными бровями Гришка Суханов и настаивал, что надо спешно перевязать рану.

– Что с того – невелика! – беспокоился Гришка, светло-желтые глаза его глядели строго. – Присыпь толченым кровавником, завяжи, иначе попадет зараза, загноится!

Завидев походного атамана Лазарку, который и в седле сидел как-то боком, левым вздернутым плечом вперед – это после одной драки в крымском набеге, когда татарское копьё ударило ему в спину и покалечило, – сотник Михаил Хомутов издали порадовал Тимофеева вестью, которой и Степан Тимофеевич будет несказанно рад:

– Удача, атаман Лазарка! Мой стрелец ухватил воеводу Борятинского в плен! Цел в руки дался, изверг, не посмел супротив Еремки Потапова саблей биться!

Лазарка Тимофеев весь засиял от такой новости, послал нарочного к атаману Разину с этой радостной вестью и приблизился к самарским стрельцам в окружении возбужденных, еще не остывших от конного сражения казаков.

– Где ты, сотник, воеводу видел? Как дело было? – спросил атаман Лазарка, натягивая повод, чтобы конь успокоился и не перебирал ногами.

– Да как же! – весело отозвался Михаил Хомутов, полыхая румянцем чистого лица, словно вдоволь набегался по морозному воздуху. – Погнали мы с полета поместных да детей боярских, вбили в обоз... Тут и началась сабельная сеча, кто на кого успел наскочить! Так он, Еремка Потапов, под воеводой коня копьём поранил и завалил на землю! Воевода ахнулся из

седла да и угодил в лужу. Встал – хуже в аду не бывает! Еремка его вожжей к возу приторочил, а сам в седло метнулся нас догонять!

– Так ли было, стрелец? – Левый длинный ус атамана Лазарки задергался, едва радостная улыбка раздвинула жесткие, на ветрах потрескавшиеся губы – после смерти любимого меньшого брата Омельки в Астрахани, ходившего к воеводе Прозоровскому переговорщиком от атамана Разина, походного атамана редко когда видели улыбающимся.

– Да, так, атаманушка! Его грязью и себе руки измарал. Хрипел воевода от злости, да я утишил его несильным тычком в живот, сказал, что хотим поменять князя на нашего дружка Никиту Кузнецова, чтоб вызволить его из пытошной.

– Добро. Веди к тому месту. У вора ремесло на лбу не писано, да воеводскую повадку нам не в первый раз видеть, опознаем лютого зверя по клыкам!

Проехали к лесочку, в полуверсте от реки Свияги, на опушке которого у воеводы Борятинского стояла часть обоза – пожитки ратных людей и значительная часть воинского припаса были размещены в остроге, – а воеводы и след простыл! Еремей, словно громом убитый, хромая из-за раны в ноге, топтался у знакомого воза со сломанной правой оглоблей, потом поднял из грязи обрезок вожжи. Подъехал тут и атаман Разин, оповещенный о пленении воеводы Борятинского одним из самарских конных стрельцов.

– Эх, голова – два уха! – укорил обескураженного стрельца Степан Тимофеевич. – Как же ты его вязал, что он у тебя сошел беспомешно, а?

Рябое лицо Еремея покривилось от досады, он тряхнул вожжей так, будто тряс сбежавшего воеводу за ворот кафтана.

– Сам не сошел бы, батюшка атаман, три ежа ему под зад! Руки воеводе я вязал порознь колесного обода! Ножиком вожжа срезана, один конец на колесе, другой в грязь втоптан. А вон под возом и кафтан воеводы валяется. Переодетым сбежал, а помог ему лихой человечешко!

– Кто же спустил? – Атаман Разин нахмурил брови, и его красивое чернобородое лицо разом окаменело от подступившего гнева. Он резко повернулся в седле. – Лазарка, поспрошай пеших казаков, кои за твоими конными в обоз ворвались. Может, среди них изменщик укрылся? Или кого в нетчиках объявите. Еще среди пленных посмотрите, не переодетым ли сидит, затаившись мышью в хозяйском сундуке?

– Воеводу бы сразу изобличили, – досадливо махнул рукой Лазарка Тимофеев и пожал плечами, сгоня мышечную усталость спины. – Эх, не так жаль воеводы, как жаль, что не сможем обменять нашего посланца Никиту! Да еще изменщик в стане завелся, один ли?

– А ежели он не сошел с воеводой, а тут остался, – неожиданная догадка озадачила Михаила Хомутова, и он с опаской посмотрел на многотысячную толпу пешего войска, – и злое дело какое умыслили наши недруги?

– Пустим по куреням верных послухов, дознаемся, – подал злой голос из-за спины атамана Разина Ивашка Чикмаз. – Мне бы только за волосок ухватиться, так и самой голове не уцелеть!

Лазарка Тимофеев потрепал по плечу раздосадованного Еремея Потапова, строго-настрого повелел всем молчать о конфузе с воеводой, чтобы зря не полошить казаков, заставил сотника Хомутова перевязать рану Еремею, дал знак, и конные казаки вслед за атаманом Разиным поехали к острогу. И тихо переговаривались между собой, всяк по-своему строили догадки – кто же разрезал вожжу и спустил воеводу? И коня, наверное, дал? Не пеши же Борятинский шмыгнул в кусты и так ловко ушел, пока казаки с рейтарами бились на берегу Свияги!

Под ликующие крики синбирян войско Степана Тимофеевича вошло в город, в котором все еще в пяти или шести местах продолжали гореть и дымиться дома самых ненавистных приказных и ярыжек. Навстречу атаману впереди восторженной толпы горожан вышел улыбающийся красавец-стрелец, в котором атаман признал пронырливого воеводского денщика.

Тимошка с оцарапанной щекой – не иначе в сабельной сече получил первую в жизни ратную отметину! – вел за уздечку великолепного, в серых яблоках коня под дорогим седлом.

– Прими, батюшка атаман Степан Тимофеевич, этого скакуна. И пусть он несет тебя счастливо до златоглавой Москвы! – громко произнес Тимошка и поясно поклонился.

– Вот так конь! – залюбовался атаман Разин и карие его глаза от восхищения прищурились. Он лихо на затылок заломил атласную шапку, обнажив черные кудри. Не слезая со своего белого коня, похлопал нового по горячей шее – жеребец вскинул голову, косился на незнакомых людей и ржал, не видя хозяина. – Чей был красавец?

– Одного татарского мурзы, который, должно, в рейтарах служил у воеводы Борятинского, – ответил Тимошка, смело глядя в лицо головного атамана, и вдруг радостный крик из первых казацких рядов заставил многих встрепенуться:

– Никита-а, кунак! Живо-ой! – с каурого жеребца на землю соскочил высоченный Ибрагим – в толпе синбирских стрельцов он увидел протискивающегося к атаману Никиту Кузнецова.

– Где? – не веря услышанному, тут же вскрикнул Михаил Хомутов. Он с самарскими конными стрельцами стоял не в первых рядах за атаманом Разиным, потому и не видел, что делается там, где были встречающие войско синбиряне. Еремей Потапов поднялся в стременах, пытаясь различить пропавшего друга, и по суматохе, поднятой вокруг атамана и Ибрагима, понял, что каким-то неизъяснимым чудом их Никита оказался не в пытошной у воеводы Милославского, а в остроге и на воле!

– Еремка, поддержи моего коня! Я к Никитке протиснусь! – Михаил соскочил на землю, протолкался среди конных казаков, и когда сияющий Никита на миг был выпущен Ибрагимом, сотник тут же стиснул его в своих объятиях.

– Живо-ой, живо-ой, братишка! – едва не в полный голос вопил Михаил, а тут и походный атаман Роман Тимофеев в своем атласном синем халате соскочил с коня, мнет Никиту, так что тот и рта открыть не может, только успевает морщиться от боли в вывернутых на дыбе плечах да одаривать сияющими взглядами верных друзей.

Степан Тимофеевич, улыбаясь, следил за этой кутерьмой из седла, потом подал и свой голос:

– Жив наш посланец – то диво! Сказывал нам Игнат, что ухватили тебя воеводские ярыжки, думал, на дыбе тебя пытаются? А вышло так, что злой рок не по стрелецкую голову рыскал?

Никита Кузнецов улыбнулся, обозначив у рта две глубокие морщины, поднял на атамана синие, измученные болью, но счастливые глаза, потянул к себе за рукав смутившегося Тимошку Лосева.

– Не счастливый рок, а вот этот смелый отрок спас меня, атаман батюшка. Большой хитростью обманул караульчиков и вывел из пытошной в острог. И у здешнего нашего доброго помощника синбирского казака Федьки Тюменева укрыл до рассвета. А с началом приступа к острогу – мы вместе бились... хотя какой из меня ратник, когда руки в плечах едва слушаются, жилы все выкручены...

– Добро, хвалю, Тимошка! Был ты у воеводы денщиком, отныне беру тебя к себе вестовым! Вечером жду вас с Никитой, сотник Хомутов, в своем шатре. И того синбирского казака Федьку приведите, порасспрошу о тутюшних людишках...

Никита Кузнецов не утерпел, спросил:

– Батюшка атаман, так Игнат Говорухин жив? Не побит подлыми ярыжками? – А в глазах понятное недоверие – сам же видел, как дернулся в челне Игнат и навзничь упал...

– Жив, но поранен. Навестите его, он на струге. Сотник Хомутов укажет, на каком. А это кто у приказной избы толчется? – и атаман плетью указал на толпу разномастного люда.

– Этих побрали в плен, батюшка Степан Тимофеевич, – пояснил Василий Серебряков, остановив коня напротив повязанных и понурых людей. – До трех сот детей боярских, помещенных дворян да с полста московских стрельцов с ними.

Степан Тимофеевич сурово глянул на удрученных недавних супротивников, спросил всех разом:

– Где служилый голова ваш Гаврила Жуков?

– Нету его, посекли, – буркнул ближний из пленных детей боярских, придерживая выпростанную из кафтана пораненную и наспех перевязанную правую руку.

– Кто же посек вашего командира?

– Сабля посекла, батюшка атаман, – загадочно ответил за раненого Тимошка Лосев. Атаман Разин понимающе дернул черной бровью, сказал Лазарке Тимофееву, чтоб пленных свели в одно место, накормили, позвали бы к ним старух-лекарок обмыть и перевязать раненых. Да никакого насилия не чинить до особого расспроса каждого, чтоб знать, сколь кто виновен.

– Что с ними возиться! – громко сказал нетерпеливый Ивашка Чикмаз, ощерив острые, как у дикой рыси, зубы и подергивая ноздрями, словно тосковала душа ненасытная по запаху горячей крови. – Посечь им башки – и вся недолга!

Пленные в страхе ужались в плотную кучу – слух о кровавом стрелецком побитии в Яицком нижнем городке ведом был и здесь, в Синбирске. Атаман Разин сурово глянул на Чикмаза, который и руку на саблю уже наложил, готовый выхватить булат и обагрить его кровью, осадил его строгим голосом:

– Когда бой идет и враг твой с оружием бьется – тогда секи, ежели ловчее окажешься! А теперь они безоружны, сердце остыло от драки, как теперь сечь? Чать, не капуста на плечах у них! Отвыкай, Ивашка, от гулевских повадок, не на крымских татар мы налетом въехали пометить за русскую кровь! Так токмо князь воевода Прозоровский сек наших пленных казаков в Астрахани, почти год продержав в пытошных!

– И тутошние воеводы ничем не краше! И они будут нас сечь не хуже, не приведи Господь им в руки попасть! – упрямо твердил свое Ивашка Чикмаз, не понимая мягкосердечия головного атамана.

– А ты живьем в драке не давайся! – засмеялся Степан Тимофеевич и уставил удивленный взгляд на бородатого, с бельмом на левом глазу посадского, который неожиданно принародно упал на колени, под копыта атаманова коня, так что тот фыркнул и ступил назад, несколько раз мотнул головой, словно от посадского нестерпимо пахло чем-то несуразным.

– Чего тебе, борода лопатую? – удивился атаман, успокаивая коня ладонью по шее.

– Атаман – свет-батюшка! Прикажи своим казакам наших девок не губить, женок не бесчестить! – завопил посадский и бородищей ткнулся в мокрую, истоптанную конями и людьми землю.

У Степана Тимофеевича брови изогнулись дугой и скакнули вверх, он заломил шапку набок, словно это мешало ему лучше слышать, что именно говорит этот странный старик.

– Ты что мелешь, старый дурень? Богу молись, да черту не перечь, чтоб на рогах не очутиться! Где это видано, чтоб мои казаки, войдя в город, так-то бесчинствовали? Иное дело, ежели какая вдовица не против, тут и на казака запрета нет!

– Дак вот в Самаре повелел же ты воеводскую женку порохом начинить во все неназываемые вслух места да и взорвать несчастную.

– Что-о-о? – Степан Тимофеевич вдруг стал лицом белее своего коня и минуту сидел в седле с открытым ртом, словно негаданная стужа вмиг заморозила его своим ледяным дыханием. – Что-о ты сказал, козлиная твоя борода? – и рука медленно потянула из ножен саблю, еще не отмытую от крови недавней сечи.

– Не я это сказал, батюшка... не я, видит Бог! – торопливо, поняв, что смерть в трех шагах от его головы стоит с поднятой косой, закричал посадский и махнул рукой себе куда-то за

спину, а сам по возможности отсунулся на коленях от копыт атаманова коня. – Торговый муж прибежал с Самары! Не далее как вчера вечером на торге принародно такие страшные слова о тебе сказывал! Еще звал синбирских посадских тебе, атаман – свет-батюшка, супротивничать, чтоб и с нашими дочками да женками такого ужаса не сотворилось... Прости, коль со страху и я не так что молвил – две дочки на выданье дома в сыром погребке схоронились, лягушек пуще твоих казаков страшатся! – и вновь трижды бородой к земле приложился.

Лицо атамана из белого стало пунцовым, от прихлынувшей в голову крови даже белки глаз покрылись красной сеткой.

– Сыскать... – только и выдохнул из могучей груди атаман и в могильной тишине площади, над которой поверх крыш и близких церковных куполов клубами валил дым недалекого пожара, остался сидеть в седле, не поднимая глаз от конской гривы.

Несколько десятков посадских со стрельцами кинулись на поиски многим знакомого самарского гостя, сыскали его на постое в трактире, скрутили и крепко помяли, пока, упиравшегося, тащили на городскую площадь к приказной избе. Атаман Разин в гнетущей тишине медленно поднимал глаза, и так же медленно валился на колени, дородный в чреве, с выпуклыми серыми глазами пышнобородый человек в дорогом кафтане.

– Скажись пред синбирским людом, подлая твоя душа, кто и откуда, чтоб они знали и плевали вослед твоим детям! – с большим трудом сдерживая себя, спросил атаман Разин. Михаил Хомутов и стоявший рядом с ним Никита Кузнецов узнали самарского торгового человека из посадских Фому Кучина.

– Прости, атаман, за Христа ради, бес попутал! – с хрипом вырвалось из горла поверженного на колени Кучина. За спиной, с саблей наголо, встал Ивашка Чикмаз, надеясь, что хоть этого злоехидного человека отдадут ему в руки.

– Как звать твоего беса? – рыкнул Ивашка и концом сабли двинул Фому в голову, отчего на землю свалилась дорогая кунья шапка.

Кучин не посмел даже руку к ней протянуть.

– Князь воевода Иван Богданович денег дал и велел на посаде нелепицу про атамана и казачье воинство сказывать... Чтоб утратить простолюдинов и стрельцов. Каюсь, народ, прости скаредную душу, за серебро продал себя бесу...

– А теперь поведай синбирянам, как в Самаре было! – повелел атаман, понемногу отходя от приступа гнева, когда самолично едва не срубил голову этому подлому человеку.

– Лжу я вам говорил, люди! Голую лжу по наущению князя Милославского... На Самаре воевода Алфимов без женки вовсе был, зато вот у него, у сотника Хомутова, – и Фома Кучин указал на Михаила, который от этого напоминания побледнел и руки стиснул до боли, чтобы не бежать прочь от этого места, – силой хотел взять женку. Да Аннушка не далась. Тогда воевода Алфимов смерти ее предал, за что и был самарскими жителями посажен в воду. Иных детей боярских и рейтар на сражении побили самарские же стрельцы, выместив злость на них за безвинно посаженных на цепи своих стрелецких командиров... А девок и баб не сильничали... Прости, народ, прости меня, окаянного, – Фома Кучин взвыл, на коленях повернулся лицом к церкви, которая стояла напротив приказной избы, начал креститься. Из выпуклых глаз потекли обильные слезы, но жалости они у посадских не вызывали, только некоторые из стариков, из сострадания, издали крестили его, не произнося ни слова. Зато молодые посадские, обрадованные, что их женкам ничто не угрожает, ругали зло и громко:

– Каков Ирод! Хуже Иуды предал атамана!

– Послать его на виселицу! Пущай воевода Милославский порадует, глядя на очернителя, им посланного на погибель!

– Начинить ему самому толстое брюхо порохом да и рвануть, чтоб кишки до воеводы в кремль долетели!

Степан Тимофеевич поднял руку, утишил народ. Спросил громко:

– Ведомо ли вам, люди, и вам, новоприбывшим в наше войско стрельцам синбирским, каков у нас закон, ежели казак что сворует у своего или у чужого, то без разницы, альбо утаит добычу от войскового дувана?

– Укажи и нам, батюшка атаман, на тот закон! – попросил кто-то из людей гулящих.

– А таков: рубаху задираем к голове, набиваем песком по самые уши, завязываем узлом и – гуляй по Волге до самого Хвалынского моря! Каков закон, а?

– Ох лихо! – присвистнул гулящий, ощерив крепкие зубы, и суконную шапку прихлопнул по самые уши. – Не схочешь хватать чужого калача!

– Чтоб все знали! И чтоб, сотворив поруху войску или кому из горожан, потом не отреклись неведением! Потому как встали мы, казаки донские, запорожские и яицкие, да стрельцы понизовые и поволжские супротив зловредных бояр-притеснителей, за святую веру и за великого государя и царя Алексея Михайловича, которому те злопакостные бояре мешают праведно править своим народом! И в защиту люда опального и кабального, за чернь городскую и бедноту гулящую и бездомную! Ежели что и взято нами с бою у бояр и у поместных служилых людей, так то идет в войсковую казну, казакам на жалованье, пораненным на прокорм дома. И не в том суть, что один на коне был, а другой на струге у весла сидел и в бою не был, у нас все равные. Старые казаки это знают, я новопришлым сказываю. Вот кличут бояре московские нас ворами да разбойниками, а сами грабят и разоряют крестьян и посадских похлеще лесной братии! Вам, братья синбирские, – возвысил голос Степан Тимофеевич, – земной поклон от всего великого войска Донского и Яицкого и от царевича Алексея, который в струге царском идет с нами к своему родителю с жалобой на злых бояр, умысливших погубить наследника царского престола, чтоб сызнова на Руси затеять смуту, как то было по смерти царя Федора Ивановича! Поклон вам за то, что не стали супротивничать, а своих исконных притеснителей побили и город нам сдали! Придет час, и будет держать ответ перед вами и ваш воевода Ивашка Милославский, а вы ему свои обиды будете сказывать. И вам его судьбу решать, а не нам, людям пришлым!

Синбирский люд ответил одобрительным гулом. И как бы в ответ с кремлевской стены бухнули пушки: стрелял воевода по острогу больше с досады, толку в той стрельбе было мало.

– Услыхал воевода – засвербело в носу, прочихивается!

– Ништо-о, скоро так прочихается, что голова кругом пойдет!

– Кобыла с волком тягалась – хвост да грива остались! Так-то и с нашим воеводой будет!

Степан Тимофеевич отыскал взглядом походного атамана Романа Тимофеева, велел строго:

– Сесть тебе, Ромашка, со своими казаками в остроге и за воеводой догляд иметь неустанный. Ныне войску отдых, а поутру за дело браться. Надобно узнать, далеко ли отбежал воевода Борятинский да какие силы при нем остались.

– А с этой ехидной что делать? – напомнил Ивашка Чикмаз и саблей ткнул в спину Фоме Кучину. – Снести башку?

– Он честь мою украл у народа. А я сказывал вам, люди, что делают казаки с такими татями!

– В воду татя!

– Блошливую одежонку прочь с тела в костер, пусть горит заедино с кусачей тварью!

– Смерть псу воеводскому!

Обреченного Фому Кучина мигом раздели до рубахи и с улюлюканьем потащили на волжский берег...

Михаил еще раз обнял Никиту, потом взял Ибрагима за руку.

– Идемте, братки, к моим казакам-стрельцам, соберемся в кучу, пусть Никита порасскажет, что же с ним случилось здесь, пока мы приступ делали. Вижу, не мимо нам с тобой княжна Лукерья ворожила перед синбирским походом! В который раз ты целым из беды выскочил...

Как они там, в Самаре, наши милые женушки? – и смутился – впервые с языка такое сорвалось после гибели Анницы, впервые вслух назвал княжну Лушу своей женкой, хотя и не венчанной и не целованной...

2

Ранним утром, под редкое бабаханье пушек из кремля и ружейную перестрелку из острога, Михаил Хомутов, приглашенный Лазарком Тимофеевым в шатер атамана Разина, нашел там всех главных соратников уже в сборе. Алешка Холдеев в дальнем углу, дописав коротко нарезанные листки, складывал их в стопку.

– Собрались, вижу, атаманы-молодцы, – Степан Тимофеевич окинул всех строгим взглядом уставших глаз, – Ну ин славно. А слово мое такое будет – негоже двум медведям в одной берлоге зиму дожидаться! Один другого должен выгнать, хотя бы и себе пасть чужой шерстью забить до обморока!

Походные атаманы согласно поддакнули, переглянулись: чего ж тут непонятного? Надобно брать князя воеводу Милославского на копье! Нетерпеливый Василий Серебряков завожился на ковре, будто сидеть в шатре у атамана и то было в большую ему нужду. Сказал, что думал:

– Полезем ночью на стены кремля, возьмем воеводу еще жирненьким, покудова в осаде не обтощал, да куда ни то в щель клопом не утиснулся!

Степан Тимофеевич покачал кудрявой головой, усмехнулся:

– Лихой ты казак, Васька! Да кремль брать – не с кизылбашцами на реке Куме схлестываться, кто ловчее арканом чужую шею охватит! Стены-то вона какие высокие. Ежели Ромашка тебя в охапку возьмет да швырнет вверх, и до середины не долетишь!

Казаки засмеялись – воистину, на стены кремля без лестниц не влезть. Лучше бы те стены из пушек разбить или зажечь. Заспорили. Степан Разин поднял руку, утишил походных атаманов.

– Алешка, написал мой указ?

– Написал, батюшка атаман. Целую дюжину!

– Подай! Вот, братцы, пошлите конных донских казаков человек по пять с каждым указом по ближним деревням. А указ мой таков, чтоб бояр да помещтных побить, надобно нам ратной силой умножиться. Потому повелел я от каждого села и деревни быть к Синбирску к девятому сентября по два человека. А тебе, Ромашка, к тому же числу собрать с уезда добрых лошадей и вести сюда же. Великая поруха вышла войску оттого, что много коней пало при переходе от Саратова до Синбирска. Будто по чьему злому умыслу пал наш табун, малое число коней уцелело! Будь у нас конных тысячи с две, вовсе не ушел бы воевода Борятинский со своими рейтарами. А пеши за ним не поспеть нам, даже если будем бежать вдогон, языки вывалив наружу.

– Соберутся мужики, кто с вилами, кто с ослопом, – пожал плечами Серебряков, – что проку от них? Вот кабы с Дону тыщи две-три казаков от Гаврилова явилось, альбо Леско Черкашенин с Донца к нам поворотил в подмогу...

– Не дело говоришь, Васька! – прервал походного атамана Степан Тимофеевич. – Дон да донские казаки – наша родимая сторонushка. Случись какая неурядица у нас здесь, куда подадимся новые силы собирать? На Дон же! А кто там поможет нам? Неужто Корнилка Яковлев? Альбо Мишка Самаренин, наши войсковые старшинские атаманы? Они на нас там давно-о плетут волосяные арканы!

– Надо было их вслед за боярином Евдокимовым в куль да в воду! И черт под старость в монахи пошел – народу-то в спокойствие, – проворчал Михаил Харитонов, – теперь душа не болела бы за спокойствие на родном Дону.

Степан Тимофеевич в раздумии крутнул головой, вразумительно пояснил соратникам:

– Всех не согласных с нами, Мишка, в Дон не пометаешь, вода из берегов полезет... А в страхе их там Гаврилов с голутвенными казаками держать будет крепко... Ну, мы о ином

заспорили. Так ты о мужиках заговорил, Васька. Что с голыми руками они. А Синбирск мы для чего брали? А кузнечный ряд здесь зачем? Неужто не скуют синбиряне крестьянам бердыши? Неужто стрелецкие десятники, приняв их в свои десятки, не обучат теми бердышами половчее биться? Покудова будем готовить приступ к кремлю, наше войско, глядишь, и удвоится. Не забывайте, атаманы мои верные, что со слов Тимошки Лосева у Милославского за стенами четыре тысячи московских стрельцов! А как они биться умеют – вчерашним днем сами видели. Это не астраханские, кои нас в руки приняли и ворота открыли в своем кремле каменном, имея мало что не сто пушек!

Помолчали, видя, что Степан Тимофеевич ночь не спал, многое передумал. Атаман поднял взгляд на Максима Осипова, одного из самых верных своих помощников, сказал:

– Возьми, Максимка, тридцать своих казаков, садитесь на коней. И с прелестными письмами езжайте по селам, собирайте вокруг себя мужиков, а как обростете достаточной силой, так и под Нижний Новгород идите, прежде попытайся у города Алатыря! Тебе, Мишка, – Степан Тимофеевич посмотрел на хмурого Харитонову, – тако же взять казаков с полета и идти на запад, в сторону Москвы. Да так тряхнуть окрестных бояр и поместных дворян, чтоб у них отпала всякая охота нашим отрядам супротивничать! Будет у вас достаточный успех, Москва боярская не скоро соберется с ратной силой сюда, под Синбирск. Возьмешь всю Корсунскую засеку, и к тебе доброе пополнение из засечных стрельцов и казаков придет, будет с кем супротив воевод идти. Да и сюда пришлешь несколько сот обученных ратников, нам в подмогу!

За шатром слышались приглушенные голоса, кто-то явно порывался видеть атамана Разина.

– Ромашка, выдь, узнай, кто там шум устроил не ко времени?

В шатре все смолкли, прислушиваясь, вскоре вернулся Роман Тимофеев, на скулах желваки ходят.

– Ну-у, рассказывай! – нетерпеливо прикрикнул Степан Тимофеевич. – Что там стряслось? Со стругами что?

– Струги все целы, батя, да измена объявилась!

– Кто? – взорвался атаман и за саблю схватился, словно изменщики уже рядом и вот-вот ворвутся в шатер. – Повесить перед всем войском!

– Камышинский воевода Панов, батя! Подговорил тридцать бывших у воеводы Лопатина московских стрельцов, которые к нам у Царицына примкнули, и ночью с ними бежал!

– Куда ушел? По Волге?

– Нет, батя. Струг, на котором они были, на месте. Должно, мне думается, побегут по Корсунской засеке к Москве, покудова она еще нами не занята.

– Теперь и без сыска ведомо, кто воеводу Борятинского с вожжи отпустил! – тут же подал реплику сотник Михаил Хомутов. – Его ратники были с теми, кто после конных вбежал в обоз!

– Должно, прав ты, сотник, – согласился атаман Разин, всем телом повернулся к Михаилу Харитонову. Лицо налилось такой злостью, что походному атаману стало не по себе, словно это его уличили в пособничестве изменщикам.

– Поспеши, Мишка, на засеку! Каждый пень переверни, а тот камышинский оборотень не должен уйти! Я ему жизнь даровал, он икону в церкви целовал, что не будет иметь злого умысла, а сам сбежал! Да еще и стрельцов подговорил! Найди его, Мишка!

– Найду, батя, от моей сабли не уйдет!⁶

– Теперь иной вопрос, – немного успокоившись, заговорил атаман Разин, – чем нам такое войско кормить? Дня на четыре, думаю, нам запасов в обозе Борятинского оставлено, поклон

⁶ Камышинский воевода Ефим Панов со стрельцами был схвачен в Корсуни, которая уже к 14 сентября была взята повстанцами. Во время боя все беглецы были убиты.

ему за это, – пошутил Степан Тимофеевич. На жестких губах атамана пробежала улыбка и тут же пропала под густыми усами. – А далее чем будем питаться?

– Нешто в Синбирске все амбары пусты? – удивился Серебряков.

– Нешто здесь до нас люди не жили? – насмешливо переспросил атаман. – Да и нам не завтра, думаю, отсюда уходить. Что хотел сказать, сотник? – Степан Тимофеевич приметил, что Михаил Хомутов выжидательно смотрит на него, а прервать не решается.

– Знаю, у здешнего рыбного промысловика Степана Трофимова в амбарах соли напасено более десяти тысяч пудов. А это в деньгах тысяча триста рублей, – подсказал Михаил, довольный, что может хоть чем-то помочь казацкому войску в трудный день.

– Ай да сотник – голова! – подхватил Степан Тимофеевич и распорядился походным атаманам, которые должны были отправляться в дальние походы: – Тую соль грузить в возы и брать вам с собой для обмена на харчи. И в ближние села и деревни везти да менять на харч! А у кого на дому деньги будут, то менять и на деньги! А на те рубли покупать харч же! А опосля еще что-нибудь сыщется в обмен, но силой у пахотных и курицы не брать! Не приведи Бог узнаю – спуску не дам! Негоже, чтобы о нас и вправду дурная слава пошла по Руси как о разбойниках! Скажут, что атаман Разин схож с тем портняжкой, который по большим дорогам шьет дубовой иглой! Ну а теперь, атаманы-молодцы, идите к полкам своим. Здесь останьтесь ты, Максимка, – Осипов, который хотел было выйти из шатра, снова сел на ковер, – и ты, сотник, – Михаил Хомутов поклонился атаману. – К вам у меня будет еще повеление. Максимка, тебе на север идти, так ты заедино возьми с собой знатного мурзу Асана, что вчера приехал в наш стан со своими немногими людьми. Я сыскал толмача, и мы на их языке написали письмо. Сейчас того мурзу покличут в шатер. Алешка, выдь посмотреть, не приехал ли?

– Иду, батюшка атаман, – Алешка выскочил из шатра, должно быть, сразу приметил нужного человека, потому как громко крикнул:

– Мурза Асан! Тебя атаман кличет!

Полог откинулся и, изрядно склонившись головой из-за высокого роста, в шатер вошел приглашенный, поклонился, приложив руки к груди, и замер, ожидая атаманова слова⁷.

Михаил Хомутов, пока Степан Тимофеевич, позвав Алешку, держал в руке лист бумаги, с немалым удивлением разглядывал Асана, знатного татарина, который принял для себя важное решение – встать заедино с казацким войском!

– Приветствую тебя, Асан. Вот, изготовлено тебе письмо, с ним и поедешь к Казани в отряде походного атамана Максима Осипова. Да мне отписывай, верно ли казанские стрельцы да посадские сидеть в осаде от моего войска не будут, потому как тамошний каменный кремль своей крепостью ведом всему свету – не зря же царь Иван Грозный об него зубы столь долго ломал!

Асан еще раз поклонился, с сильным коверканием слов проговорил, глядя прямо в глаза атаману Разину:

– Наша Казань живи умный татарин! Зачем ему жадный московский бояр? Ему воля нужен подавать!

– Кому надо собаку ударить, мурза, тот и палку должен найти! Так же, Асан, и волю ту надобно саблей добывать. Ну, чти, Алешка, наше послание. Тот список, что нашим языком писан, а то я по-ихнему мало какие слова знаю.

Алешка неспешно, чтобы понятно было Асану, начал читать:

⁷ В следственных делах в части показаний Степана Разина есть такая запись: «В распросе и с пытки вор изменник Стенька Разин сказал: Приходил де к нему под Синбирск татарин пожиточный человек Асаном зовут Карачурин, и говорил ему, чтоб им идти под Казань, и в Казани де сидеть не будут. А которого города тот татарин, того он не ведает, а ростом де он не мал, борода черна, щека перерублена».

– «От великого войска, от Степана Тимофеевича, буди вам ведомо, казанским посадч-ким бусурманам и абызом⁸ начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют. Икшею мулле, да Мамаю мулле, да Ханышу мурзе, да Москову мурзе, и всем абызом, и всем слободцким и уездным бусурманам, от Степана Тимофеевича в сем свете и в будущем челобитье. А после челобитья, буде про нас спросите, мы здоровы, и вам бы здравствовать. Слово наше то для Бога и пророка и для войска – быть вам заодно, а буде где заодно не будете, и вам бы не пенять после, Бог тому свидетель, ничево вам худова не будет, и мы за вас радеем. Да вам было бы ведомо: я, Асан Айбулатов сын, при Степане Тимофеевиче, и вам бы нам в том поверить, я, Асан, в том вас наговариваю. И буде мне поверите, и вам худобы не будет. Да у всех вас прошая, за нас Богу помолитесь, а от нас вам челобитье. К сей грамоте печать свою приложил».

Алешка опустил грамоту-челобитье, посмотрел на Степана Тимофеевича, который повернулся к гостю лицом.

– Все ли верно писано, Асан Айбулатов сын? Так ли, как мы с тобой вчера вечером беседовали?

Асан снова, прижав руки к груди, поклонился атаману.

– Все правылно, бачка атаман. Давай грамота, Казань еду.

Атаман Разин трижды обнял знатного мурзу, отдал грамоту и напутствовал в дорогу:

– Коль сам пришел, не с бою взят, то служи, Асан, честно! Ходи под Богом, и он тебя защитит, а я о тебе озабочусь, когда собьем с Москвы зловердных бояр и поместных! Ну, Максимка, давай на лихой случай и мы простимся! Храни тебя Бог, а пуще того сам стерегись шальной пули и предательского удара сабли...

Атаман обнял Осипова, тот отступил на шаг, поклонился, и они с Асаном вышли из шатра. Более встретиться им так и не дал Господь случая...⁹

Проводив их, атаман будто вспомнил о сотнике Хомутове, улыбнулся дружески. Темно-карие глаза и то, показалось Михаилу, посветлели.

Видно было, что рад Степан Тимофеевич первой удаче под Синбирском, рад переходу на его сторону синбирского острога со стрельцами, рад, что ширится общее противобоярское движение. Атаман присунулся поближе к Хомутову, дружески похлопал его по плечу, поблагодарив, таким образом, за помощь во взятии Синбирска. Потом все с той же теплотой, домашнему, с открытой улыбкой, негромко сказал то, о чем, похоже, думал не только что:

– Вона, сотник, видишь, откель народ к нам службу править сходитя? Скоро вся Русь черная на боярство вздыбится!

– А отчего это, Степан Тимофеевич, у Асанки щека рублена?

– Сказывает, служил он в рейтарах, а как ехал к нам со своими содругами, черемисы его отряд в лесу подстерегли. Покудова разобрались, его и хватили саблей. Малость голову вовсе не срубили! Так что я тебе хотел сказать, Мишка? Твои пешие самаряне славно воевали, помогли Синбирск добыть, а теперь пуцай на своем струге плывут к Самаре.

Михаила Хомутова даже в жар кинуло! Он удивленно поднял глаза на Степана Тимофеевича, и голос даже дрогнул:

– Отчего же... Неужто чем не потрафили, батюшка атаман? Скажи, поправим дело!

– Не о том ты подумал, сотник! – успокоил его атаман. – Через день-два у меня здесь, под Синбирском, будет и десять, и пятнадцать тысяч, а то и поболее. А Самара за спиной одна и в малом числе ратных людишек, ты это возьми в разум! Да не на печке сидеть я их отсылаю. А надобно взять сотню стрельцов добрых и в Усолье крепкий стан устроить. Да заодно и тамош-

⁸ Абыз – ученый муж, мулла.

⁹ После поражения С. Разина под Синбирском боярские сыщики кинулись искать Асана Карачурина, но он, узнав об этом, скрылся. Есть запись от 1693 года, через двадцать с лишним лет, что Асан сбежал «и поныне пропал безвестно».

них жителей до того стана собрать, солеваров тех же, и обучать их ратному делу без мешкотни, потому как мне надобен крепкий тыл за спиной! А кого из Самары послать на Усолье – смотри сам, ты тамошних командиров лучше знаешь. Уразумел, Мишка?

Михаил Хомутов успокоился после недавнего испуга, подумал и предложил своего доброго сотоварища:

– Тогда пошлем сотника Ивашку Балаку с его стрельцами. Хорошая закваска будет для солеваров и работных людей с окрестных промысловых угодий Макарьевского Желтоводского монастыря. Немало крепких молодцев и на починках¹⁰ теперь работает.

– Видишь, ты и сам все враз ухватил, – улыбнулся снова атаман. – Тут твои самаряне затеряются в таком многотысячном скопище, а там они каждый на виду будут. Сам с конными покудова оставайся, конных у меня мало. А пеших ныне же и отправь. И пуцай тот Ивашка... как, бишь, его кличут?

– Ивашка Балака, батюшка атаман, – напомнил Михаил.

– Тот Ивашка Балака пуцай тут же почнет крепить острог в Усолье. Да за Переволокой доглядывать надобно. Ежели будут нарочные с Дона альбо из Астрахани, чтоб держал подменных лошадей, слать к нам гонцов.

– Ныне же все исполним, батюшка атаман, – Михаил поднялся на ноги. – А за Усолье будь спокоен, встанем на Жигулях и у Переволоки крепко, – он поклонился атаману и вышел из шатра.

В стане, а самаряне разместились в углу города, близ частокола, его с расспросами встретили самарские стрельцы – всем хотелось знать, что надумал атаман на нынешний день?

– На нынешний день тебе, брат Игнат, – обратился Михаил Хомутов к Говорухину, который немного поправился от ранения благодаря стараниям лекаря, присланного атаманом Разиным, – на своем струге с нашими пешими самарянами плыть к дому. Так повелел Степан Тимофеевич.

Все разом смолкли, не веря ушам своим. Игнат опомнился первым, поморщился от боли в плече, крикнул:

– Не лягается надолба¹¹, да и не везет! Что-то я в ум не возьму, Миша, отчего так Степан Тимофеевич повелел?

Михаил Хомутов пояснил, что есть атаманово поручение укрепить Усолье как ближний тыл всего войска под Синбиром. Лица у самарян прояснились, атаман доволен их службой и доверяет столь важное дело.

– Это разумно! Не худо, что просвира¹² с полпуда, поднатужимся да и сладим! – улыбнулся через силу Игнат Говорухин. – Сказывал мне дед, что словом и комара не убьешь, надобна дубинка! Вытешем мы в подмогу атаману добрую дубинку и на Усе ею почнем помаживать. Так нынче нам и идти?

– Да, – подтвердил Михаил, – лучше теперь же, перекусив на берегу, да и сплывайте. А нам, кто на конях, покудова Степан Тимофеевич повелел оставаться при войске. Ты, Игнат, передай Ивашке Балаке атаманово слово, чтоб радел он со старанием! И скажи ему, что атаман велел быть Ивашке Балаке на Усолье за старшего. А сам покудова лечись, на ноги вставай да в Самаре за местными знатными людишками догляд держи, чтоб какой порухи нашему делу не случилось. В подмогу тебе там будут Аникей Хомуцкий с товарищами. Да вот еще просьба – передай нашим женкам, что мы живы и здоровы, а про пленение Никиты Паране не сказывай, убиваться с горя станет. Это ей при детишках ни к чему.

¹⁰ Починки – распаханые, прежде не использованные земли, чаще всего в лесу.

¹¹ Надолба – невысокий столб, врытый в землю.

¹² Просвира – белый круглый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения.

– Передам, Миша. Плечо бито пулей, но голова не дырявая, – пошутил самарский Волкодав. И к своим пешим стрельцам: – Теперь в час обед готовить и – в струги! – Игнат осторожно вздохнул – возвращаются они в родной город, а шестерых товарищей оставили на здешнем погосте. И то хорошо, что местный священник сотворил над ними глухую исповедь, а то в пору хоронить как нехристей, без соборования по православному обычаю...

* * *

После обеда Михаил Хомутов вместе с Никитой Кузнецовым, проводив отплывающий струг самарских пеших стрельцов, постояли над обрывом, глядя на Волгу, на чаек, которые носились над волнами, на струг с поднятым парусом – дул ветер, хотя и не в корму, но парусом самаряне ухватили его. Вспомнили домашних, малость взгрустнули оба.

– Параня теперь печалится, – проговорил Никита, стиснув на груди до сих пор ноющие после дыбы руки, – только из одного похода воротились, да сразу же в другой! А перед тем долгий кизылбашский плен. Малые дочурки вовсе меня в лицо не знают. Параня ругает: «Есть ли у меня муж, ай нету его вовсе?» – А я ей: «А от кого у тебя детишки завелись? Ежели от домового – избу спалю, чтоб его прогнать вон от чужой жены!» – А она же в ответ: «Палил уже Еремка! Мало согрелся у одного пожарища, на новом еще хочешь спину погреть?» – Ну что ты ей в ответ скажешь? Кругом виноват, она правду говорит, житье стрелецкое, особенно в такое смутное время, не одни пряники в руки идут, иной раз и куст крапивы приходится голыми руками хватать... Какое счастье, что и на этот раз удачливо из пытошной Тимошка меня вытащил! А что лицо в синяках, так до Самары заживет!

Михаил улыбнулся, глаза повеселели, сказал с нежностью в голосе, какой Никита давно уже не слышал от своего кума: сотник крестил у него первенца, сына Степку.

– А у меня в доме тоже свой «домовой», в юбке, правда, завелся, – и глянул сбоку на Никиту, – не иначе твоя Параня ей присоветовала ко мне пойти в жилички?

Никита и сам об этом думал, но вслух сказал иное, чтобы не обидеть сотника:

– Да куда же ей, бедолаге, было деваться, Миша? Только из такого же почти кизылбашского плена вырвалась с казаками Степана Тимофеевича, от дома за тысячу верст, да еще беглая из монастыря. Душа у нее светлая, к добру отзывчивая, и ей еще жить да жить на белом свете. Авось и счастье к вам придет, детишки народятся. А с детишками, что и с тараканами, в доме покою не видать! Вона мой малец Стенька, твой крестник, ежели я дома, на шаг не отстает. Параня иной раз, видя, что я на двор по нужде пошел, хватается Стеньку за рубаху, вопрошает: «Ты куда, пострел?» А пострел ей в ответ: «Где тятка, там и я!»

Михаил погрустнел лицом, негромко отозвался на веселые слова друга, вновь выказал свою печаль по рано погибшей Аннушке:

– До детишек покудова далеко у нас, Никита... Знаешь, Луша славная и душой сугревная, а гляжу ей в лицо, и оно будто двойится передо мною... рядом другое всплывает, Аннушки покойной. Да и Луша, мне кажется, иной раз смотрит на меня, а будто и нет меня рядом с нею... Может, о доме своем тоскует, о когда-то брошенных родичах. Как знать, может, у нее на сердце уже был кто-то близкий, любимый... А иной раз и мне чудится в ее глазах тоска по мужской ласке, и в ту пору... – и, не договорив, Михаил Хомутов вдруг резко повернулся: от стругов у волжского берега к острогу склоном, опираясь на толстый посох, поднимался батюшка Ларион, тот, которым Михаил так интересовался.

– Погоди-ка, Никита, я с батюшкой поговорю. Неужто обознался я? Ты побудь здесь, его не смущай. Может, он не схочет, чтоб его опознавали все, потому так скрывает свое прошлое!

– Иди, Миша, я тут на травке посижу, погрущу о детишках, – негромко ответил Никита. Он все еще смотрел на уходящий струг да слушал, как изредка за спиной из кремля равномерно

била одинокая пушка, словно воевода Милославский не из осады отстреливался, а часы сверял по пушечной стрельбе.

Михаил Хомутов спустился навстречу батюшке, которого все здесь звали попом Ларионом, подошел, поклонился и негромко сказал:

– Благослови перед сражениями меня, батюшка Павел, авось роковая пуля и мимо свистнет.

У батюшки на посохе рука резко дернулась, серые глаза зорко глянули в лицо сотника, густые брови сдвинулись к тонкому переносью. Он сделал было движение перекинуть посох из руки...

«Пистоль выхватить хочет», – догадался Михаил и упредил батюшку, чтоб не случилось какого недоразумения:

– Не полошись, батюшка Павел, не от боярского альбо от синодского сыска я здесь. Как ехал по делам службы из Самары в Москву, видел вас, батюшка, в Коломенском соборе в бытность вашу тамошним епископом. В Коломне у сродственников на отдых останавливался. В Преображеньев день господень был в соборе к торжественной службе. Потому и запомнил, хотя и признал не сразу. Но некоторые в стане казаков знают вас, батюшка, не под именем Лариона, а под настоящим именем. Так, бывший воеводский денщик Тимошка, сказывая, что вы приводили его к присяге, назвал вас истинным именем... А я здесь у Степана Тимофеевича в сотниках над самарянами.

Батюшка Павел успокоился, кивнул головой, благословил Михаила крестным знамением и дал поцеловать большой крест.

– Зрил и я тебя, сыне, на битве с боярскими псами! Приметил, потому и поверил, что не от сыску синодского ты здесь. Но моего имени никому не открывай, потому как только сам атаман его знает, да его самые доверенные люди.

Михаил Хомутов очень удивился такому предупреждению.

– Отчего же, батюшка... Ларион? И что с вами такое приключилось, что из епископов...

– В воровского попа преобразился, аки пес бешеный с саблей ношусь по полю и детей боярских секу своеручно? Так ты хотел сказать, сын мой? – и бывший коломенский епископ снова нахмурил полуседые брови.

Михаила Хомутова даже в краску бросило от слов священника, и он отрицательно покачал головой.

– Нет, не воровским попом я вас хотел назвать, батюшка Ларион! Потому как и себя я отношу не к воровским сотникам! Но достойным человеком, вставшим за честь воеводой погубленной женки! Стало быть, и у вас, батюшка, были к тому важные причины, что пошли вы супротив боярства и церковной власти? Но коль то тайна, нешто могу я о том допытываться?

Батюшка Павел склонил голову с длинными, наполовину седыми волосами, медленно огляделся, нет ли кого поблизости, сказал:

– Давай и мы сядем, аки твой друг вона на бережку сидит, за стругом вослед мыслями поспевает к родному очагу... Вот так, а то и ноги покой просят по старости лет моих...

И рассказал батюшка Павел неспешно, то и дело останавливаясь, чтобы припомнить что-то или нечто опустить:

– Я был обучен на церковных книгах старого письма, а потому нововведения патриарха Никона не восприемлю всем разумом. К тому же и сам Никон куда как не святостью полон, мыслями из одной крайности в другую метался. Сам он, будучи митрополитом Новгородским, а потом и первое время патриархом, тако же крестился двумя перстами! А ныне фигой тычет себе в лоб! – выкрикнул, не сдержавшись, батюшка Павел, но тут же умолк, малость притушил в себе гнев.

– О том я ему не единожды укоры ставил, вот он и осатанился на меня до истинного безумства! А еще невзлюбил он меня, что встал я за отцовские святыни! Наши предки, святые

отцы, так молились, как в старых книгах писано, и тем спаслись от ухищрений диавола, Господу стали угодниками, прославились на Руси дивными чудесами! А теперь со слов Никона мирянам говорят, что надобно им молиться не так! Неужто им сызнова восстать со смертного ложа и почать молиться, аки Никон наушает? – Батюшка Павел пожал плечами и негромко рассмеялся, словно святые всей Руси и вправду встали, вышли из своих каменных склепов и белой вереницей неспешно побрели к собору, на ходу под звон колоколов осеняя себя троеперстными крестами.

– Потому все истинно верующие и приняли муки, встав за веру, преданную Никоном и его лизоблюдами! Истинным православным христианам подобает умирать за един «аз», его же окаянный Никон выбросил из символа в том месте, где же глаголется о Сыне Божиим Иисусе Христе: «Рождена, а не сотворена!» – и батюшка Павел посохом ткнул в землю у ног, утверждая словами сказанное: – Велика зело сила в сем «аз» и сокровенна! За един «аз» подвижники-монахи на бой встали в Соловецком монастыре! Да Господь не дал им силы одолеть дьявола, великое испытание наложил на паству свою, в очищающие муки окунул...

И надолго задумался бывший коломенский епископ, словно бы и позабыл, что рядом с ним тихо сидит служивый человек. Михаил Хомутов понял: быть может, за долгие мучительные годы принужденного молчания впервые заговорил о себе и своей боли человек, и негоже встать и уйти, не зная, обо всем ли он сказал, что наболело на мятежной душе.

– Когда патриарх Никон был в большой чести у молодого царя Алексея Михайловича, куда как высоко о себе возомнил и сам себя возвеличил, како духовному лицу и не в приличие, – снова заговорил батюшка Павел, следя взглядом за чайкой, которая кружила неподалеку над крайними стругами – кто-то из гребцов в шапке с малиновым верхом бросал ей в воду кусочки хлеба.

– Удумался же! Писал в грамотах себя «великим государем»! Тако же когда-то писался патриарх Филарет, но он писался не как патриарх, а как отец малолетнего царя и соправитель! А Никон? Пишет, бывало, так: «От великого государя, святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси... указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси и мы, великий государь...» Оно и понятно, почему, войдя в возраст, великий государь Алексей Михайлович и воспротивился такому величанию, указал Никону его место! А того гордыня уже всего разъедала! Давно на миру известно, что волк по утробе вор, а человек – по зависти. Тако и Никон в непомерном тщеславии добился, что сверг его вселенский приговор на патриаршем суде... – И снова умолк батюшка Павел, вздохнул о чем-то, должно быть, вспомнил про муки пережитые, про далекие, но по годам и не столь уж давние события, самовидцем и участником которых ему пришлось быть.

– А как, за что же вас-то судьба так крутнула, батюшка Павел? И по чьей злой воле? – поинтересовался Михаил, опасаясь, что батюшка встанет и уйдет, недосказав, быть может, самого главного.

Бывший коломенский епископ медленно поднял глаза на расстроенного служивого, горестно усмехнулся поблекшими губами.

– Да все по воле того же Никона! У нас ведь завсегда так: на деле ты прав, а на дыбе виноват будешь! Ан отомщен и я за свои мучения, не столь телесные, сколь душевные. Когда читали вселенский приговор Никону, тамо и обо мне говорено Никону в великий укор!

– Что же? – удивился Михаил Хомутов, все еще не в силах связать воедино таких разных людей – бывшего патриарха Никона и нынешнего, похоже что беглого епископа Павла. Хотя, если верить слухам, теперь и бывший патриарх Никон на струге со Степаном Тимофеевичем! Воистину, как говорят святые книги, неисповедимы пути Господни и его свершения над людьми!

– Как дознался я через верного человека, – ответил батюшка Павел, – вселенский приговор укорил Никона, написавши ему так: «Архиерея один сам собою низверг; по низложению

с Павла, епископа коломенского, мантию снял и предал на лютое биение, архиерей тот сошел с ума и погиб безвестно, зверями ли заеден, или в воде утонул, или другим каким-нибудь образом погиб...»

– А вы, батюшка Павел, скрылись из тех мест, да?

– Да, сын мой. Бежал я из Коломны на юг, в верхние донские городки, облик крестьянина приняв. И долго был в разных работах, а как прослышал, что среди воинства атамана Разина объявился бывший патриарх Никон, так и поспешил сюда. Хотел упредить атамана, чтоб стерегся козла спереди, коня сзади, а злоехидного Никона со всех сторон... А довелось бы как нечаянно встретиться... – батюшка Павел вдруг прервал свои раздумья на полуслове, умолк, глядя в неохватную даль укрытого лесами левобережья Волги.

Михаила Хомутова в самое сердце пронзила острая догадка, даже ладони взмокли, и он нервно вытер их о штаны. Подумал: «Неужто самолично решил поквитаться с бывшим патриархом? А теперь случай ищет на патриарший струг проникнуть с ножом в руке?»

Должно быть, эти тревожные мысли отразились на лице впечатлительного Михаила, и бывший епископ прочитал их без труда.

– Порешил ты, сын мой, что я Никона погубить умыслил? – батюшка Павел вскинул на сотника удивленный взгляд, тихо рассмеялся, головой отрицательно покачал из стороны в сторону. – Не утаю, была такая у меня задумка... покудова Никон в патриархах сидел. А теперь и он тако же низвержен до простого монаха-затворника, како и аз, грешный. Просто хотелось подойти так близко, чтобы в очи глянуть да спросить: «Зачем, аки зверь лютый, на избиение холопам своим отдал тело мое, коль из него душу вынул?» Вот сколь хожу сюда, к стругам, но на тот, с черными коврами на палубе, не допускают. Да никто днем на той палубе и не объявляется, окромя стрельцов. Ночью же не разглядеть, кто выходит...

Помолчали с минуту, потом легко, не по годам, поднялся с травы бывший коломенский епископ, добавил, прощаясь:

– Пойду. Тамо меня пораненные ждут, врачую я их травами лечебными. Да помни слово, сотник, нет епископа Павла, а есть батюшка Ларион, не от мира здесь, а от Бога. Доведись в руки боярам попасть, и вовсе никакого имени у меня не выпытают.

Михаил Хомутов рукой до земли поклонился великому мученику, и они распрощались. И видел его под Синбирском почти весь срок осады кремля, а потом куда он делся – Бог весть¹³.

Подошел Никита Кузнецов, посмотрел на уходящего вверх по волжскому склону батюшку, спросил:

– Чудной он, правда?

– Жизнь чудная порою бывает, брат Никита! Ну, идем к нашим стрельцам, глядишь, как бы снова бою не быть в степи под кремлем. Атаман Разин, должно, выяснил уже, далеко ли отбежал от Свияги воевода Борятинский. Ну, как в ночи к нему свежие полки подошли, он и кинется на нас, будто волк голодный из кустов на роковую овцу, пастухами оставленную без должного присмотра.

¹³ Среди следственных дел разинского восстания есть и такие строки: «А поп, который писал от вора Стеньки Разина на соблазн воровские прелестные письма, пойман и казнен смертью...» О ком это писано? Быть может, о бывшем коломенском епископе Павле? Но он так и не огласил своего подлинного имени своим палачам.

3

Воевода и князь Юрий Никитич Борятинский отбежал от Синбирска в Тетюши и в грязной от осенней слякоти низкой съезжей избе диктовал своему доверенному подьячему – не чужим бы ушам всего того слышать! – донесение о своем неудачном приступе на выручку осажденного Синбирска. Взмокший под дождем подьячий Вахрушка Семенов, втянув голову в остренькие плечи, весь внимание – упаси Господь что не так исписать, живо поротый будешь ночь лежать в конюшне на куче навоза или, в лучшем случае, на обедках! – ловил старательно каждое слово.

Юрий Никитич, тяжело топая по зыбким половицам, прошел от стола к низковатой крестьянской печке, снял с колышка холстовый рушник, утер от влаги отвислые щеки, старательно высушивая, покрутил русую пышную бороду в краях рушника, малость поразмыслил, прислонившись мокрым кафтаном к белой печке, начал диктовать свое послание великому государю и царю Алексею Михайловичу:

– Пиши, Вахрушка, тако: «В нынешнем, государь, во 179-м году¹⁴ сентября в четвертый день пришел вор Стенька Разин с своими единомышленники ворами под Синбирск стругами. И ночью обошел Синбирск¹⁵, и стал выше Синбирска за полверсты до города, и в отдачу часов вышел из стругов и хотел иттить к городу на приступ. И я, холоп твой, против ево зашел с своим полком, сажень с 10 не допуская к городу, прискакали к нему на дула пищальное, стрельба такая быть попалась, беспрестанно, и к городу приступить не дал. – Воевода глянул себе под ноги – с грязных сапог на деревянный пол натекло, а от ходьбы туда-сюда грязь разнеслась по горнице. Проворчал с затаенной обидой: – Кабы князюшка Иван Богданович... да ты не пиши этого, Вахрушка! Сия думка для меня одного, а не в донос государю на его сродственничка! Кабы князюшка, думается мне, в ту ночь не отсиделся в кремле, а вышел бы в поле всеми своими полками к волжскому берегу, то б, ополчась заедино, могли бы вора Стеньку и назад в струги вбить! Да как о том великому государю пропишешь? А ну как прогневается? – и воевода усмехнулся, копошилось давнее. Был он тогда в Малороссии под Киевом и при измене государю Юрия Хмельницкого, который переметнулся к полякам, получил он от воеводы боярина Василия Борисовича Шереметева предписание оставить малороссийские города. Да на что и ответил, ничтоже сумняшеся: «Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева: много в Москве Шереметевых!» Тот боярин Шереметев и угодил в октябре 1660 года к полякам в плен, сидя у города Чуднова! Да князюшка Милославский не боярин Шереметев, на него хулу не возведешь! – Воевода и князь Юрий Никитич, уткнувшись в угол под худым, без серебра, иконостасом, не оборачиваясь к подьячему, малость постоял после воспоминаний, собираясь с мыслями, повелел писать далее так:

– «И они, воры, государь, поворотясь всеми своими силами от города, нас многих переранили, и самарца Любима воры убили до смерти. И тот, государь, день бились мы, холопы твои, с утра и до вечера и приступать им к городу не дали. И ничего нам не учинили, и стоял я, холоп твой, полком всем на одном поле с ним сутки, и на меня, холопа твоего, вор Стенька не смел приходить. И того ж, государь, дни в вечеру приходили на меня, холопа твоего, часу в третьем ночи¹⁶. А я, холоп твой, стоял в поле, ополчась, и бой у нас ночью был великий. И на том, государь, бою убили Дементия Ворыпаева да алатарца Куроедова да рейтара Андреева из полку Чюбарова. И у них, государь, на обеих боях многих побили. И на утрея, за полчаса до свету, почели приступать воры к городу, говоря и сослався с синбирены: на котором месте

¹⁴ 11670 год.

¹⁵ После 20 часов.

¹⁶ В 7 часов 05 минут по современному счету.

стояли синбирены, против тех прясел¹⁷ воры и пришли; и стреляли синбирцы по ним пыжами и в острог впустили. И хто в остроге был, всех посекали казаки, почели приступать к городу, а синбирены почели сечь людей боярских, хто тут был. А людей, государь, боярских я поставил по стенам с пищальями. И в остроге, государь, было людей на всякой сажени по осьми человек, и бились люди боярские много времени, а телеги всех ратных людей и лошади были в остроге».

Воевода вновь умолк, принудил слова укора князю Милославскому утонуть в своей душе: «Кабы в тот час, когда воры к острогу кинулись с верхней стены, князюшка Иван Богданович сделал вылазку хотя бы одним полком московских стрельцов да ударил бы вора в затылок! Глядишь, отшиб бы воров от острога и вызволил бы детей боярских! Ан нет! Государев сродственник опять же о себе пекся, себя пуще города оборонял! Эх, не в моей он тогда был власти, князюшка Иван Богданович, он бы у меня по полю впереди рейтар скакал бы...» Вздыхнул воевода – что толку после срока локотки кусать себе, теперь впору самому о себе озаботиться. Прибежал в Тетюши гол как сокол, без обоза, без провианта и снаряжения, все Стеньке Разину досталось трофеем! Ладно, самого воровской изменщик вызволил. Бывший камышинский воевода сказался, к вора пристал по принуждению, из страха смерти да из-за дочки, которая ушла с разинским атаманишкой... А не утек бы – теперь, поди, вороны играли бы моими мелкими косточками, очи выклевали бы. Альбо в мешок да в воду посадили!

Воевода Юрий Никитич с трудом подвигал озябшими плечами, весь передернулся, представив себе такую бесславную кончину...

– Пиши, Вахрушка, далее так: «А я, холоп твой, со своими ратными людьми к ним приступал и они меня, холопа твоего, без пехоты не допустили к городу, и сели по крепким местам и пушки привели, и беспрестанно по нас стреляли. И многую, государь, им помешку в приступе не учинили». Прописал?

– Прописал, батюшка воевода и князь Юрий Никитич, – не вставая из-за стола, быстро проговорил подьячий Вахрушка, еще ниже склонился к столу, чтобы скрыть ехидную ухмылку: «Как же, воевода, ты к городу подступал с выручкой, когда тебя самого воровские казакишки гнали, с коня сбили да малость живота не лишили? К войску охлябь прискакал в мужицком кафтане, так что рейтары, не узнавши, едва на копья не подняли. Благо завопил громко, по голосу и спознали своего воеводу! Хитришь пред великим государем, хитришь, князюшка!»

– Пиши еще, Вахрушка, так: «А татаровя, государь, которые в рейтарах и в сотнях, служить худы, служить с ними не с кем, и ненадежны с первого бою, и с тех боев многие утекли в дома свои, и нельзя на них на бою надеетсяца, и денег, государь, им не для чего терять, чтоб им быть в рейтарах. А начальные, государь, люди после того, как я, холоп твой, писал к тебе, великому государю, живут все по деревням своим. А окольный Иван Богданович Милославский сел в Малом Городке, а с ним головы стрелецкие с приказы и Агеева полку солдаты и иных чинов люди. И Малый, государь, городок крепок, вскоре взять его ворами не чаю, только безводен, колодцев нет, и они до тех мест воды навозили много...»

– Навозили много, – повторил негромко Вахрушка, поднял голову, повинился: – Дозволь, батюшка воевода Юрий Никитич, перья заново исчинить. Куда как много уже писано.

– Займись, да не мешкай! Нам опосля великого государя еще и князю Петру Семеновичу Урусову писать надобно будет.

И пока Вахрушка готовил новые перья, воевода, устав туда-сюда ходить по горнице, грузно присел у небольшого слюдяного оконца, захлестанного противным осенним дождем, покомкал влажную бороду, вздохнул: «Эх, ты, горе-то! Не зря говорят в народе, что за добрыми делами находишься досыта, а худое само навяжется! Так и у меня на государевой службе вышло теперь под Синбирском! Как дело выправить – ума не приложу! А тут еще измок весь, теперь бы в баньку да в свежее бельишко передеться, да в теплую пуховую перину лечь навз-

¹⁷ Прясла – звено в изгороди, в частоколе, между башнями.

ничь. Да слушать бы из святого писания какое ни то чтение, а не эту брань мокрых и злых рейтар за окном, да усердное сопение простуженного Вахрушки... Ох-ох, да будет ли у меня еще домашняя сытая жизнь в Москве, в своем теплом домишке...»

– Изготовил, батюшка воевода князь Юрий Никитич, – подал голос подьячий. – Извольте далее речить!

– Не подгоняй, – насупил кустистые брови над серыми круглыми глазами. – Ишь, затаскали, что повивальную бабку... Да и то разуместь надо, что на печи промыслов не водят. – Воевода сказал это себе в разумение сетований на свою ратную жизнь, а Вахрушка, не поняв, к чему речь, только согласно поддакнул. – Пиши далее: «А я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми отошел в Тетюши и дожидаясь кравчего и воеводы князя Петра Семеновича Урусова, чтоб нам, холопам твоим, пойтить опять в Синбирск; а будет Иван сидеть – чтоб его от осады свободить, а будет, государь, Ивана взяли, а нам выйти на него, вора Стеньку Разина. А у него, государь, не многолюдно, больше пяти тысяч нет худова и доброго. А ныне у него на боях и на приступе безмерно побито лутчих людей много, и о том вор к памяти не придет. Не только бы, государь, что кравчий и воевода князь Петр Семенович к тому бою поспел, хотя бы у меня, холопа твоего, было две тысячи пехоты, и он бы совсем пропал, не только бы, государь, приступать к Синбирску, и к берегу бы не приступил! – воевода и князь не утерпел-таки, и хотя бы вот в таком образе, вскользь уязвил князя Милославского, что не дал полки московских стрельцов отбить Стеньку Разина с берега к стругам. Должно, поймет этот намек великий государь, на князя Ивана Богдановича кинет суровый взор, а его, холопа Юрия Никитича, глядишь, приласкает лишний раз. – А то рассмотрел, вор Стенька, что у меня нет пехоты, так он и учинил, а кабы сошлись вместе под Синбирск, и вор Стенька Разин был бы в руках или убит, и все бы пропали...»

Воевода с кряхтением встал с лавки, боясь тронуть на себе все мокрое, прошелся по горнице, остановился у стола в раздумье, постучал пальцами – писать ли о таких пустяках к государю, но потом все же решился.

– Отпиши, Вахрушка, и о моих порухах тако: «Стоял я, холоп твой, в обозе под Синбирском, и вор Стенька Разин обоз у меня, холопа твоего, взял и людишек, которые были в обозе, посек и лошади отогнал и тележенки, которые были, и те отбил, и все платьишко и запас весь побрал без остатку. Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать судно и гребцов, на чем бы людишек и запасишко ко мне, холопу твоему, прислать. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Ушла в Москву, к великому государю, бумага, посланная с нарочным рейтаром; достигла ушей великого государя Алексея Михайловича слезная просьба воеводы и князя Юрия Никитича, и двадцатого сентября великий государь «пожаловал, велел дать судно из Большого приходу, а гребцов из Ямского приходу».

Однако скорее, чем царская милость к воеводе Борятинскому, со всей округи пошли к Москве страшные известия о том, что заполыхала земля окрест Синбирска мужскими восстаниями. Десятки, сотни маленьких вспышек неповиновения, а потом и открытого бунта ширились, соединялись между собой, превращаясь в одно огромное пространство пожараща крестьянской войны с четко обозначившимся направлением на север, северо-запад и на запад, к первопрестольной Москве.

Заволновался и великий государь Алексей Михайлович – разве усидишь покойно в горнице, когда вокруг занялись огнем все дворовые постройки?

Глава 2. Еще не крах, казаки

1

Михаил Хомутов после удачного приступа к синбирскому острогу и взятия города Синбирска пользовался особым доверием у атамана, и по его просьбе подыскать ему доброго человека для отправки и приема нарочных от походных атаманов посоветовал взять к себе Никиту Кузнецова.

– Это который в Синбирске у Милославского в гостях был? – улыбнувшись, уточнил Степан Тимофеевич.

– Он, батюшка атаман, – ответил Михаил. – Не глуп, да и храбрости ему не занимать.

– Добро, быть ему за старшего над командой нарочных при моей походной канцелярии. Пущай десяток коней отберет и казаков добрых. Можно из твоих конных стрельцов. Да к ним еще казаков с засечной черты до Уреня. Они тутошние места куда как добре знают, не будут блукать сутками по лесу, как слепые кроты. В паре можно будет и спсылать за вестями о воеводе Борятинском и с нашими указами к походным атаманам.

Степан Тимофеевич, а разговор шел в горнице приказной избы, где обосновался атаман со своей походной канцелярией, прошел к окну, через верхнее толстое стекло посмотрел в сторону кремля: туда по его приказу из соседних сел и деревень шли телеги с дровами, старым сеном для предстоящего штурма.

– Тебе, Мишка, покудова со своими стрельцами в кашу не кидаться, а пахотных мужиков, которые в наш стан прибывают, верстать бы в казаки. И по возможности скорей обучать ратному делу. Через малое время кинемся на кремль. – Степан Тимофеевич задумался, взъерошил волнистые волосы со лба к темени, размысливая о предстоящем сражении, предвидя немалые потери. – Полезут на стены худо обученные, куда как больше поляжет. А коль научатся копьем да саблей пристойно владеть, ино дело будет. Всех тебе, вестимо, не охватить. Тогда отбирай кто помоложе да на коне верхом скакать сноровист. Будут в подспорье донским да запорожским казакам в сражении с конными рейтарами. Уразумел, сотник?

– Уразумел, Степан Тимофеевич, – ответил Михаил Хомутов, в известной доле гордый добрым к себе расположением атамана. – Мешкать в таком деле негоже, иду я к своим стрельцам и ныне же начну отбор в конные ратники из новоприбывающих.

И Михаил Хомутов взялся помогать походному атаману Лазарке Тимофееву пополнить войско способными к сражению людьми. По прибытии новичков их перво-наперво опрашивали, кто он да откуда, да с кем пришел, да каким оружием доводилось владеть? И если оказывалось, что человек этот с засечной стороны, да ежели поселялся на жительство из стрельцов, из пушкарей, из казаков, то таких Михаил Хомутов отбирал отдельно и ставил на смотр Лазарке Тимофееву. И особенно радовался Степан Тимофеевич, когда Лазарка приводил к нему поселенцев с Дона или с Днепра, самолично расспрашивал, кто и из каких мест, и отсылал к Роману Тимофееву в конное войско, которого набиралось уже и за две тысячи. Новичков из черносошенных¹⁸ или из монастырских крестьян, посадских или гулящих, или из бурлаков Михаил, поделив на десятки, день-деньской обучал за городом в поле, как из пищали стрелять, да как строй держать, и как конных рейтар встречать плотно, бердышами отбиваясь и голову свою сберегая от длинного копья.

¹⁸ Черносошенные – крестьяне, казенные, жившие на свободных землях, не крепостные, а платившие подушные подати от сохи.

Помогали своему сотнику и его товарищи, особенно Еремей Потапов, Гришка Суханов, Федор Перемыслов, братья Василий да Иван Пастуховы, сыновья самарского стрелецкого сотника Михаила Пастухова, погибшего от рук майора Циттеля при восстании в городе накануне прихода в Самару передового отряда разинцев во главе с атаманом Романом Тимофеевым.

Стояли самаряне за городом со своими малооружными и не обученными еще новобранцами и смотрели, как вел Степан Тимофеевич первый штурм кремля. Под гром пушек с обеих сторон казаки запустили в ров сотни телег, обмотанных и нагруженных сеном, соломой, хворостом, затем забросали ров факелами. Черными клубами взвился едкий дым, нестерпимо горячее пламя метнулось вдоль бревенчатых прясел вверх, где наизготовку стояли московские стрельцы да лучшие поместные дворяне. Затрещали бревна кремлевской стены. Но обидно мало оказалось растопки, фукнуло пламя столбом да и быстро угасло, а когда прогорело, казаки кинулись в ров с лестницами. Умолкли пушки воеводы Милославского – враг во рву, ядрами его уже не достать. Пушки атамана бьют из острога, да беда – ядра не могут разбить толстых бревен. Зато московские стрельцы почти беспомешно сшибали штурмующих новоизбранных казаков с лестниц, а те лезут вверх не так сноровисто, как хотелось бы атаману.

– Быстрее, быстрее, братцы! – кричал Степан Тимофеевич со стены острога, словно за громом пушек и пищалей его могли слышать там, в адовом преддверии, во рву и у стен. – Эх, зацепились бы только за стену в одном месте, а там матерые казаки возьмутся за дело, как надобно!

К Степану Разину подбежал есаул донских казаков Левка Горшков. Усы дергались от злости и ярости, черные раскосые глаза, словно грозовая туча, метали молнии.

– Дозволь, батько, мне со своей сотней казаков метнуться на стену! Дорвемся до сабельной драки, там легче дело пойдет! Дозволь. Жаль мужиков, перебыют всех.

И не хотелось Степану Тимофеевичу, видел это Михаил Хомутов, кидать в пекло лучших своих казаков-донцов, да понял: новоизбранным не одолеть высоты по шатким лестницам, должного навыка нет, а тут еще сверху летят камни, бревна, хлопают пищали...

– Иди, есаул! Ухватись за стену и пробивайся к воротной башне, вот к той, что воротами к острогу! А мы постараемся к воротам пробиться снизу!

С яростным криком «Неча-ай!» сотня донских казаков скатилась в ров, к тысячам тех, кто уже там был, мигом проскочила к лестницам, оттеснила на время вчерашних посадских да черносошенных. С ловкостью кошек устремились казаки вверх, зажав в зубах обнаженные сверкающие сабли.

– Донцы-ы, донцы лезут! – пронеслось по верху стен. Догадались стрельцы, что теперь дело придется иметь с бывалыми воинами, кинулись встать поплотнее к тем пряслам, где лезли на штурм казаки с их бесстрашным есаулом Левкой Горшковым.

Казаки не просто лезли наобум, до первого удачного со стены выстрела, а подстраховывали огнем из пистолей переднего, передавая заряженные пистолы вверх, а незаряженные вниз, и делали это на ходу, быстро. Вот уже наиболее сноровистые достигли верха, осталось уже еще три-четыре ступеньки... Но падают на землю храбрейшие, стрельцы отталкивают баграми лестницы от стены, опрокидывают в ров. Мелькнул почти с самого верха голубой кафтан бесстрашного есаула... и Степан Тимофеевич дал команду отойти в острог и в город, подобрав всех своих, кто поранен или убит...

Отыскался и есаул Горшков. С простреленной ногой он ухнул вниз вместе с падающей лестницей, да, к счастью, угодил на воз с сырым сеном, которое не успело догореть. Оттуда его в затлевшем кафтане вынули свои казаки, перевязали рану белой холстиной и принесли к атаману Разину.

– Жив, Левка? – нервное лицо с дергающимися губами атамана склонилось над есаулом. – Каково тебе, больно?

– Жив, батька! А что больно, так сердце болит! Эх, кабы не стрелецкая пуля, был бы я на стене! Веришь?

– Верю, Левка! Ты молодцом лез на эту треклятую стену! Ништо-о, погодь трохи, воевода. Пойдут еще гулять избы по горницам, а сенцы по полатам! Не весь наш разум изошел этим днем! Добудем мы тебя из-за стены! Свинья не боится креста, а боится кнута! Не миновать тебе, Милославский, казачьей плети по жирной заднице! Поправляйся, Левка, не последняя у нас с воеводой сеча!

И верно, второй приступ повел атаман Разин в ночное время. И на этот раз осаждавшие несли с собой дрова и вязанки хвороста, чтобы завалить ров, а навалив, зажечь, используя для этого порох, паклю.

Но и второй приступ московские стрельцы отбили с немалым для штурмующих уроном.

– Кой черт нам кидаться и далее снизу вверх! – почти кричал Степан Тимофеевич, тяжело вышагивая по скрипучим половицам приказной избы. Собравшиеся к нему на совет походные атаманы, словно чувствуя за собой тяжкую вину, в молчании поопускали головы.

– Как же его достать-то, треклятого воеводу? – в недоумении пожал плечами Василий Серебряков. – В поле он выходить не хочет. И на вылазку опасается, что от ворот можем его отсечь!

Степан Тимофеевич за тяжкими раздумьями, казалось, впервые увидел Серебрякова, долго смотрел на него, что-то решая, и вдруг твердо произнес, всем на удивление:

– Вот что, Васька! Максимка Осипов днем гонца пригнал с известием, что поворотил с Корсунской черты на Нижний Новгород, побрав у воевод перед этим ряд городков. Войско его велико становится, а атаманов добрых нет. Тебя просит к себе в подмогу. Пойдешь под его руку? – и, словно испытывая верного походного атамана, с прищуром глянул ему в лицо: пойдет из-под его начала или останется здесь, где гораздо труднее?

Василий Серебряков от радости даже ладонями хлопнул о колени.

– Пойду, батько! Это дело по мне – добрый конь да вольный простор! А тут эти чертовы стены... хоть головой о бревна бейся, а только голодом можно выманить клятого Милославского. Да дюже долго ждать того дня!

Атаман Разин поджал губы, стараясь скрыть невольную досаду – сам же предложил, теперь на попятную идти неудобно, негромко напомнил походному атаману, что и там есть города, и немалые: Алатарь, Курмыш, Мурашкино да Арзамас. Но Серебряков не без резона возразил на такие опасения:

– Так-то так, батько, да в тех городах сидят не сквозь московские стрельцы, а свои с посадскими людишками. Глядишь, отворят ворота, как синбиряне.

– Добро, ныне же выедешь, – решил-таки отпустить Серебрякова Степан Тимофеевич. – Знамо дело – кошку бьют, а невестке намеки дают! Бей и ты поместных дворян, чтоб московские бояре от страха тряслись в своих каменных палатах! От Максимки прибыл гонцом казак Васька Семенов, с ним и воротитесь к Осипову. – И к остальным с прерванным разговором: – Ну, давайте думать, казаки, как нам руку дотянуть до верхушки кремлевской стены да воеводу крепко за бороду ухватить...

И наутро, к великому удивлению осажденных, с казанской стороны под кремлем начались твориться странные дела. Несколько сот работных на телегах под стрелецкими со стен пулями подвозили землю, бревна, доски, колья. Другие принялись что-то сооружать. Атаман Разин, среди иных забот о пополнении войска, часто наезжал в это место и поторапливал работающих, иной раз здесь его и находил Никита Кузнецов с новыми нарочными, которые день ото дня привозили добрые вести с засечной черты: Михаил Харитонов к середине сентября занял всю засечную черту с конечным городом Корсунь, Максим Осипов и Василий Серебряков до 20 сентября взяли Алатырь, двинулись на Арзамас. Через несколько дней ими взяты города Атемары, Саранск и Инсарский острог. Ходили боем на город Курмыш и, как доносили

атаманы в своих рапортах, «курмышеня жилецкие всяких чинов люди город им здали, пошли на Мурашкино...»

Читал атаман Разин эти победные реляции походных атаманов, радовался, что супротив ненавистного боярства поднялось столько черного люда! И огорчился заодно своим принужденным сидением под синбирским кремлем с воеводой Милославским!

– Эх, Никита! – вздыхал иной раз Степан Тимофеевич, выслушав очередное послание. – Тяжким камнем на ногах у всего войска сей кремль с упрямым воеводой! Ну да ништо, сколь яблоку ни висеть, а людских зубов не миновать!

– Твоя правда, Степан Тимофеевич, – соглашался Никита Кузнецов, видя переживания атамана из-за принужденной задержки под Синбирском. – Ежели яблоко само не упадет, казаки, озлясь, на дерево влезут и тряхнут ветки как следует. А зубы у нас давно уже наточены, чтоб вгрызться! – Никита видел, что ратные заботы гнетут атамана Разина до головной боли, потому и говорил эти слова в утешение предводителю, а сам с неменьшей тревогой думал о своей печали: «Удастся ли нам живу домой воротиться? Мне – к Паране с детишками, а куму Мише – к княжне Луше... Убиваются теперь, наверное, по нас, истины не зная – живы ли?»

Шли дни, и поначалу несуразное строение под стенами кремля стало приобретать нечто рельефное, а когда воевода Милославский со страхом узрел – да воры строят кусок вала под стать кремлевской стене! – забеспокоился не на шутку. Вот и две башни по бокам строения обозначились – крепчайшие, с бойницами для пушек. А вот поутру и пушки с криками втащили, и из двух башен, расстоянием одна от другой на сорок сажень, в упор по кремлю ударили пушки осаждавших под ликующие крики всего разинского войска.

И тут к атаману Разину пришло тревожное послание из-под Пензы, от Михаила Харитонova: взятые в плен дети боярские в один голос показали, что государь Алексей Михайлович, сам сделав смотр войскам, спешно отправил из Москвы большое войско под командование давнего казацкого недруга Юрия Долгорукого. Тот воевода захватил Арзамас, сделал его своим центром и гоняется теперь за отрядами, которые действуют в ближней округе. Выслана подмога и в Тетюши к воеводе Юрию Борятинскому. Зато воевода Петр Урусов крепко сидит под Казанью, отбиваясь от войска Максима Осипова. Осипову с его пятнадцатитысячным войском, в котором было всего до сотни донских казаков, сдался город Темников, откуда едва успел сбежать тамошний воевода Челищев. В городе Курмыше казаки стояли недолго и выступили на Ядрин, где жители всем миром «одобрили» своего воеводу и ему сохранили жизнь. Затем взяли Васильев, Козьмодемьянск, вступили в Лысков и вышли к Волге – на том берегу стоял притягательный для казаков богатый Макарьевский Желтоводский монастырь. Под угрозой был и Нижний Новгород, что и заставляло воеводу Петра Урусова задерживаться со спешным походом под Синбирск.

Но атаман Разин знал – рано или поздно и Долгорукий, и Урусов с Борятинским пробьются-таки сюда, на помощь осажденному Милославскому, а потому и поторопился начинать третий приступ кремля, хотя не все еще и было готово к таковому.

– Упредили бы нас в нужное время атаманы о движении тех воевод, – беспокоился Степан Тимофеевич, внимательно присматриваясь к окутанному пороховым дымом кремлю – палят стрельцы из пушек и пищалей, не берегут зелье, знать, запасено его вдоволь. А он должен считать едва ли не каждый выстрел!

К вечеру того же дня Никита Кузнецов привел к атаману Разину черного вестника. Донской казак есаул Оброська Кондак примчал с изустным донесением. Проводив Оброську до горницы атамана, Никита хотел было выйти, но Степан Тимофеевич удержал его:

– Подожди здесь, может, сразу сгодишься... Вижу, Оброська, худые вести привез, – атаман Разин прошел к столу, за которым сидел усердный Алешки Холдеев и сочинял какое-то новое послание. – Садись, сказывай. Алешка, принеси есаулу кружку кваса.

Оброська снял шапку, пригладил длиннющие с сединой усы, перекрестился на образа, прошел к лавке, одним махом выпил квас, поданный Алешкой. Прежде чем начать разговор, помялся в нерешительности, искоса глянул на уставшее лицо атамана, с хрипотой поведал:

– Побили нас, батько. И побил воевода Борятинский. Умножился он изрядной ратной силой, пушками и пехотой. Да и рейтар у него более чем вдвое против прежнего.

– Где ты его встретил? – уточнил атаман Разин, чтобы знать, далеко ли тот Борятинский и сколько времени его ждать под Синбирском?

– В день двадцатого сентября напал он на наш отряд, а в нем мало было наших казаков, все более татаровя, чюваши, черемисы и мордва. Все худо вооруженные, а числом более трех тысяч, конных и пеших. Встали мы на речке Свияге под сельцом Куланчи, дожидаясь того воеводы, он и явился. Перво-наперво начал нас пушками от берега отбивать, пехоту пустил. Мы тех солдат атаквали пеши и конно, а он, перейдя Свиягу выше нас, рейтаров погнал, чтобы нас к реке придавить да всех и перетопить.

– Сумели счастливо уйти? – с беспокойством спросил Степан Тимофеевич, озабочаясь, чтобы не было в людях большого урона.

– Отбежали, огрызаясь, как та собака, которой в пасть палкой тычут, – горестно усмехнулся Оброська Кондак. – Стрелец Ефимка Проваторхов со своей сотней прикрыл. Нас прикрыл, а сам в руки Борятинского попал. Да с ним более шестидесяти человек наших, – и умолк, закомкал промокшую под дождем суконную шапку, опустив взгляд к ногам, словно то была его вина, что малой силой не смог одолеть войско воеводы Борятинского.

– Что с ними... с нашими казаками стало? – уточнил атаман Разин, хотя и сам отлично понимал, что ждало его ратников, попадись они в руки воеводы.

– Посек их всех воевода да перевешал, батько! – тихо ответил есаул, – Тут же, на месте, где ухватил... А Ефимку расчленил и на колья рассажал, чтоб все село видело... Люди в страхе в погребу забились: нешто можно такое видеть и не содрогнуться!

Атаман Разин ахнул кулаком по столу так, что Алешка Холдеев подскокнул на лавке и едва ухватил чернильницу, чтобы она не слетела на пол.

– Как в воду глядел Ивашка Чикмаз, говоря, что упьется Борятинский нашей кровью, ежели мы ему в руки дадимся! – Атаман нервно прошелся по горнице, заложив руки за спину, потискал хрустнувшие пальцы в суставах, встал около есаула. Тот хотел было подняться на ноги, но атаман положил на плечо руку. – Сиди. Мишка Ярославец цел остался при войске?

– Бог сберег походного атамана, хотя кафтан пробила солдатская пуля по левому боку, малость кожу ожгла.

– Добрый походный атаман из него будет! Пушай бережет себя, от меня так скажи ему. Да и сам голову свою паси, зря не губите себя. Сколь возможно, окорачивайте того воеводу, чтоб не шибко широко шагал сюда. Ну а мы днями на приступ пойдем, должны взять треклятого Милославского... А опосля всей силой кинемся на Борятинского. Он умножился, да и мы теперь в числе не менее двадцати тысяч! Ну, давай обнимемся, есаул, да езжай к Ярославцеву, ему одному там трудновато приходится, знаю, а теперь вот и Ефимку потерял... Ступай. – И, когда Оброська Кондак был уже у порога, еще раз напутствовал: – Людишек сберегайте, вот так головой не кидайтесь в огонь под пушки, словно пьяный мужик очертя кидается в темный омут. Наскоком, из засады, рубите засеки из деревьев, чтоб побольше хитрости у вас было. Уразумел, есаул?

– Уразумел, батько, прощай! – ответил есаул и тихо прикрыл за собой дверь.

– Никита, покличь ко мне мурзу Ахпердю, где-то на приступках крыльца сидит, – так же тихо попросил атаман Разин, отошел к окну глянуть, что делается в кремле.

И вновь тоска даванула атаманово сердце – жаль, мало зелья у него припасено для войска! Прорыть бы подкоп под угловую башню, закатить пяток бочек да и рвануть бы! И пусть воевода Милославский летел бы прямиком, без соборования, к черту в ад! Опрашивал он, да

не сыскалось в войске людей, знающих, как такие подкопы делать, да как в них кровлю возводить, чтобы не рухнула земля на землекопов... Но, ежели и новый приступ не удастся, да если воевода Борятинский не помешает своим скорым прибытием, придется как-то думать и о подкопе под кремль, только бы тот кремль не оказался построенным на скалистом месте...

Никита быстро воротился с мурзой Кильдибяком, лет сорока, смуглолицым, с живыми черными глазами и с усищами ниже подбородка, будто два конских хвоста висят по обе стороны рта. Пришел, смело протянул руку атаману, раздвинул усы в улыбке.

– Звал, бачка атаман? Дела давай, на драка давай, воевода воевать давай!

Степан Тимофеевич улыбнулся, у глаз собрались мелкие морщинки, которых Никита еще неделю назад вовсе не замечал.

– Сколько молодцев привел с собой, Ахпердя?

– Три ста батыр привел и еще мала-мала больше, – ответил мурза. – Мала тебе, бачка атаман, да?

– Мало, друг мурза, мало! Воевода Борятинский уже у Куланчи два дня назад был, теперь еще ближе. Скоро драка будет самая трудная, у него много рейтар собралось, да детей боярских на конях. Надо еще добрых конников, и тысячу надо, и две, и три! За Борятинским и Долгорукий воевода идет на нас. И его побить надо, мурза. Без конницы нам и мечтать нечего на Москву идти!

– Будем собирать, бачка атаман! В наша Цывильска уезда много батыр к тебе айда-айда хотят. Поехал моя сюда тащить всех!

Атаман Разин скупно улыбнулся на эту горячность непоседливого мурзы, повернулся к Алешке Холдееву, спросил:

– Вы сочинили письмо с отцом Павлом, как я просил по прибытии мурзы в наш стан?

– Да, батюшка атаман, сочинили. Вот, пушай берет. Надобно только войсковую печать тиснуть.

Степан Тимофеевич под концом письма тиснул печать, протянул грамоту мурзе Ахперде. Мурза покачал головой и для большей убедительности руками перед собой замахал.

– Не понимая я, бачка атаман, эти буквы! Ты мне читай, я слова в голову складывай, как дрова, а дома я этими словами говорить буду, без всякий помешка!

Атаман Разин, а за ним и Никита Кузнецов с Алешкой расхохотались, причем походный атаманов дьяк смеялся до слез, так что и на лавку завалился боком. Степан Тимофеевич протянул грамоту Алешке, сквозь смех приказал:

– Сам писал, сам и вгоняй слова ему в голову, поленце к поленцу, да ровненько, чтоб дрова от тряски не рассыпались!

Отсмеявшись, причем и мурза Ахпердя с ними посмеялся вволю, Алешка поднес грамоту к лицу поближе – на улице наступали вечерние сумерки – и неспешно, чтобы мурза успевал собрать слова себе в голову, начал читать:

– «От донских и от яицких атаманов молодцов, от Степана Тимофеевича и от всего великого войска Донского и Яицкого память Цывильского уезду разных сел и деревень черне русским людям и татарам и чюваша, за дом пресвятой богородицы и за всех святых, и за великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, и за благоверных царевичев, и за веру православных христиан. А как из Цывильска к вам, к черне, русские люди и татаровя и чюваша и мордва, высыльщики в Цывильский уезд по селам и по деревням будут и станут загонять в осад стоять в Цывильску, и вам бы, черне, в осад в Цывильск не ходить, потому что над вами учинет обманом, всех в осаде вас перерубят. А тех бы вам цывильских высыльщиков ловить и привозить в войске под Синбирск. А которые цывилена дворяня и дети боярские и мурзы и татаровя, похотев заодно тоже стоять за дом Пресвятой Богородицы и за всех святых и за великого государя и за благоверных царевичей, и за веру православных крестьян, и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз и татар ничем не тронуть и домов их не разорять.

А в войсковой памяти вам, чернь, списывать давать списки по селам церковным причетникам дьячкам слово в слово. И, списывая, отдавать их по разным волостем и по селам и по деревням сотцким и старостам и десяцким, чтоб они, уездные люди, все в сию высокую память знали. К сей памяти войсковую печать атаман Степан Тимофеевич приложил».

Окончив читать, Алешка Холдеев с улыбкой посмотрел на мурзу, словно бы спрашивая, все ли он уяснил с первого раза?

– Все понимал моя, бачка атаман, будет воевода людей в Цыви́льск собирать сидеть осада, как медведя в берлога зимой, тех посыльщиков не слушать, палками бить! Так, да? Нада всем идти к бачка атаман к этот город, да? А меня спросил кто – где этот бамашка брал, я что скажу? Лесу нашел, да? Не поверят! Ты, батыр Алешка, пиши – атаман давал мне сам! Вот так, в руку давал!

Атаман Разин согласно кивнул несколько раз головой, похлопал мурзу по широкому крепкому плечу, повелел Алешке:

– Он прав, походный дьяк! Допиши ниже моей печати тако: «А с сею войсковою памятью послан наш войсковой казак Ахпердя мурза Килдибяков, и вам бы, чернь, ево во всем слушать и спору не держать. А буде ево слушать ни в чем не станете, и вам бы на себя не пенять». Приписал? Вот так-то оно вернее будет. Бери, брат Ахпердя, грамоту, бери десять своих батыров и езжай в свой уезд собирать большое войско нам в подмогу!

– Еду, бачка атаман. Коня мала-мала кормил и еду.

Проводив мурзу, атаман Разин, поразмыслив малость, повелел Никите сыскать синбирянина Федьку Тюменева и сказать, чтоб в ночь навезли скрытно от воеводского глаза к острогу и к новому насыпному валу возможно больше бревен и хвороста вязанками. Да чтобы приготовили длинные плахи – настелить потом поверх дров и по тем плахам, как по мостам, с насыпного вала перебежать на кремлевскую стену и наконец-то грудь в грудь сойтись с засевшими там московскими стрельцами на сабельную сечу... Близок уже был решающий час.

* * *

– Пусти, Лазарка, срублю-ю!

Взвизгнула вылетевшая из ножен атаманова сабля, вспыхнули неистовой злобой потемневшие глаза.

– Секи, Степан! – Лазарка Тимофеев, дергая покривившимися от гнева губами, рванул на груди кафтан. – Секи! И тебя там ссекут на третьем шагу! А на кого их оставишь? Гляди – их тысячи за твоей спиной! Погибнешь, и им гибель неминуемая! Зачем мужиков поднял, чтоб в первой сече самому лечь?

Взлетевшая над головой Лазарки сабля свистнула мимо, рубанула бревно и, погудев чуть, замерла.

– Что же делать, Лазарка? И на сей раз чертов воевода неуязвимым от нас выскочил! Доколь такое терпеть можно?..

С вечера по приказу атамана Разина войска колонной выстроились за насыпным валом, где с противоположной от кремля стороны были сооружены удобные ступеньки из досок. Когда был дан сигнал, с боковых рубленых башен ударили по кремлю казацкие пушки и тысячи казаков, недавно набранных в атаманово войско, по центру насыпного вала устремились вверх. Каждый на себе тащил вязанку хвороста или наколотых дров. Поднявшись, они под пулями московских стрельцов бросали свои дрова за вал, заполняя ров и пространство между валом и кремлевской стеной. Освободившись, сбегали боковыми проходами вниз, за новой вязанкой. Сбегали, да не все, иных московским стрельцам удавалось подбить, и тогда мертвого или раненого подхватывали и спешно, чтобы не останавливать движения, сносили вниз, где местные лекарки принимались их лечить, делая перво-наперво перевязки, чтобы остановить кровь.

– Растет, растет наш мост! – ликовал атаман Разин, сидя в седле впереди конных казаков. Сотник Михаил Хомутов был со своими стрельцами за спиной походного атамана Лазарки Тимофеева и очень хорошо видел все происходящее.

– Еще валите, казаки! Побольше валите! По мосту мы живо доберемся до треклятого воеводы! Всех посечем псов воеводских! Молодец, Ромашка! Славно тузит воеводу из башни пушками!

Вот уже ров завален, гора дров растет и растет...

И тут, видимо, воевода Милославский наконец-то понял, что задумал Степан Разин! Спohватившись, он распорядился зажечь и кидать на дрова все, что может гореть. Вниз полетели пучки соломы, пуховики, бочки с жиром. Раскачав, швырнули вниз бочонок пороха, сбив с него почти все обручи. Ударившись, порох рассыпался между дровами, огонь лизнул – ахнуло вверх столбом пламя!

– Да что же он, гад замогильный, творит, а? – взъярился атаман Разин, видя, что огонь сводит на нет все усилия и жертвы армии. – Неужто опять его верх выйдет? – И возвысил голос, стараясь заглушить пушечную пальбу и пищальный треск. – Казаки-и! Вали гуще, чтоб не поспедал воевода наши дрова палить! Заваливай огонь землею! Мочите бревна в воде!

Выбиваясь из сил, рвались казаки вверх по ступенькам, а иные не в силах уже были подниматься, останавливались с разинутыми ртами и дышали, словно рыбы на горячем песке. Роман Тимофеев выскочил из левой башни без кафтана, в белой рубашке, закричал с насыпного вала вниз:

– Не бегать более! Становись цепью, передавай бревна друг дружке с рук на руки! Жива-а!

Быстро разобрались в десяток цепочек, и дрова сплошной вереницей потекли вверх, а наиболее крепкие казаки, приняв на валу, с уханьем швыряли связки вниз, как можно ближе к кремлевской стене. Один ухал, а иной с оханьем, а то и безмолвно, с простреленной головой, валился на насыпную землю.

– Давай, давай, казаки! Наша берет! Не успевает воевода наши дровишки палить, не успевает! – ревел с натугой Роман Тимофеев, который возглавил казаков на насыпном валу и которому атаман Разин повелел первым кинуться на кремль.

И вот вроде бы дело пошло на лад! Гора дров заметно пошла вверх, атаман Разин распорядился послать бывших в подспорье у казаков посадских в острог ломать не до конца погоревшие дома и амбары побитых или бежавших к воеводе его служилых людишек да детей боярских, чтобы было больше бревен, досок, всякого хлама.

– Вона-а, пошло, пошло! Не поспевает воеводский огонь жрать казацкое угощение! Уже наполовину дело сделано, братцы! Еще пару амбаров разберем, и тогда можно будет за сабли браться! – Атаман Разин повернулся в седле, чтобы отдать еще какое-то приказание Федору Тюменеву, который был старшим над командой посадских...

И тут вдруг вновь ухнуло столбом пламя раз, другой! Рвануло так, что походный атаман Роман Тимофеев, хорошо видимый из-за белой рубашки, кувыркнулся с вала, его едва успели ухватить ближние казаки и поднять на ноги, оглушенного, мотающего головой.

– Дьявол! Что он творит! – вскрикнул в неистовой ярости атаман Разин, а Михаил Хомутов с содроганием подумал, что бы мог сейчас натворить этот страшный в гневе человек, ворвись он с саблей к воеводе в кремль...

– Лампадное масло, не иначе, в бочках бросил на дрова! Да вдогон два бочонка с порохом! Вот оно и бабахнуло пламенем до небес! – Это сказал на выкрик атамана Разина походный атаман Лазарка Тимофеев, начав сознавать, что и этот штурм, похоже, будет неудачен, как и два предыдущих. Стало быть, надо что-то еще думать!

И тут-то Степана Тимофеевича словно самого взорвало изнутри:

– За мной! Казаки, хватай лестницы! На штурм! – Он спрыгнул с коня на землю...

– Куда, Степан? – сначала не поверил своим ушам Лазарка. – Ты что? Смотри, что там творится! Люди же погорят, не успев и лестниц к стене поставить!

– Пусти-и! Срублю-ю!..

Пелена дурманной ярости медленно сходила с глаз Степана Тимофеевича, он снова осмысленно кинул взор на ненавистные черные стены кремля и вновь оживился.

– Добро, казаки! Валите дрова, покудова тот толстый боров сам не загорится! Ай да славно воевода придумал! Видел я дураков всяких, но таких, чтоб сами себя поджаривали, попервой вижу! Валите, братцы, не жалеите! Половину синбирского острога спалим в кострище, а жареного воеводу на завтрак себе добудем!

– Только бы успеть до прихода воеводы Борятинского! – эта тревожная мысль постоянно билась в голове Михаила Хомутова, который переживал и за казаков на валу под стрелецкими пулями, и за своих стрельцов-самарян, которым с часу на час предстоит биться с рейтарскими полками настырного князя Борятинского.

Казаки взбодрились словами любимого атамана – коль так не получается, батько решил взять воеводу по-иному! И снова потекли вверх вереницы бревен, досок, связки разного хлама, который может гореть. Пламя в промежутке между валом и кремлем вздыбилось настолько, что стало лизать сосновые стены, задымились нижние комли, еще малое время – и полыхнет кремль, как полыхает в лесу костер, сложенный опытной рукой промысловика пушниной.

На стене кремля забежали. Стрельцы кричали что-то, свешиваясь глянуть вниз, а казаки тут же стали ловить их на прицел и бить из пищалей. Вновь заработали пушки в боковых башнях, две из них, перекалившись, рванули и покалечили пушкарей. Роман Тимофеев, с опаленными на голове кудрями, чудом остался жив.

– Ага-а! Запахло жареным! – не сдерживая радости, выкрикивал атаман Разин, горячил коня, словно настал уже миг пустить в сражение отборную казацкую конницу, в которой, к сожалению, тоже было так много новоизбранных ратников.

Со стен на бревна стали лить воду, а потом, притащив невесть откуда добытые огромные парусиновые куски, свесили их со стены и принялись беспрестанно поливать, чтобы не затлелись бревна. Степан Тимофеевич поднял глаза к небу, потом обернулся – на востоке уже алело, еще малость – и наступит светлый день. Ну, что же, и день не помеха поджаривать воеводу в его кремле!..

С правой стороны показались три верхоконных. Они гнали по темной дороге, не жалеючи ни себя, ни лошадей.

«Неужто?» – нехорошая догадка резанула сердце Михаила Хомутова и он тихо шепнул Никите:

– Позри, вона от Свяги скачут.

– Вижу! Ты думаешь, от атамана Мишки Ярославцева?

– Не иначе. Вона, Степан Тимофеевич навстречу Лазарку послал.

Действительно, гонцов уже заметили и тут же к ним поскакал не кто иной, как ближайший помощник атамана Разина Лазарка Тимофеев. Съехались, поговорили, не слезая с запаленных коней, потом все вместе приблизились к Степану Тимофеевичу.

– Борятинский к Свяге подходит, батько, – негромко сообщил Лазарка. – Он уже в десяти верстах от нас. Что делать будем? Как бы рейтарскими полками не ударил по стану прямо с ходу.

– Эх, черти его принесли опять не к часу! Чтоб ему на день задержаться! – и к вестникам повернулся, а на их лицах пыль залепила все морщины, так что и распознать трудно, кто какого возраста. – Всей силой подходит?

– Атаман Ярославцев велел сказать, что впереди идут конные рейтары, пешие в телегах едут, весьма поспешно, должно, прознал воевода Борятинский о приступе к кремлю.

– Старая лиса! Он словно чует, где ему быть надобно! – Степан Тимофеевич поискал глазами, нашел Михаила Хомутова. – Сотник, пошли Никиту на насыпной вал передать Ромашке Тимофееву, чтоб бросал того Милославского и людей бы укрыл в острог. Надобно спешно идти встреч Борятинскому. Скверно получится, ежели он к кремлю проскочит. Московские стрельцы за месяц, поди, крепко поизъелись и припасами потратились, долго не устояли бы супротив войска нашего! – Проследив немного за побежавшим на вал Никитой Кузнецовым, подал знак казакам отойти от кремля и накормить овсом коней.

Дождавшись возвращения с вала Никиты, Михаил Хомутов поспешил со своей полусотней конных стрельцов на постоянное место в полевом стане, поближе к круче над Волгой, чтобы должным образом изготавиться к решающей битве.

Наступило утро субботы 1 октября 1670 года.

2

Из отписки полкового воеводы П. Урусова в приказ Казанского Дворца о действиях войск под командой князя Ю. Борятинского:

«...И сентября ж де в 23 день пришел он к реке Карле, и у реки собрався встретили ево воровские казаки и татаровя, и чувашаи, и черемисы, и мордва, учинили с ним бой. И на том бою тех воровских казаков побил и языков взял 18 человек, и тех языков велел посечь и перевешать.

Да сентября ж в 24 день, перешед Карлу речку под татарскую деревнею Крысадаки, воровские казаки и татаровя, и чувашаи, и черемисы, и мордва, учинили с ним бой. И он тех воров побил и языков взял 18 человек.

Сентября ж в 27 день под мордовскою деревней Поклоуш, собрався, вору учинили с ним бой. И на том бою тех воровских людей и казаков побил, и языков взято 38 человек, и велел их посечь.

Да сентября в 29 день пришел он к черте в городок Тогаев, и из Тогаева де все люди выбежали к вору Стеньке Разину в Синбирск. И из того городка пошел он во Мшанск, а из Мшанску пошел к Синбирску по Крымской стороне октября в 1 день, и пришел к Свияге реке до Синбирска за 2 версты. И вор Стенька Разин, собрався с ворами с донскими казаками, и с астраханцы, и с царицинскими и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с изменники с синбирскими, и по черте из всех городов с ворами из разных городов, с татары, и с чувашею, и с черемисою, и с мордвою, с великими силами почел на него наступать. И он де со всеми ратными людьми разобрався и устроясь против вора Стеньки Разина пошел и с ним сшелся сажень в 20-ти, и учинили бой...»

Нервный спазм скрутил спину Михаилу Хомутову, когда он увидел, как по знаку атамана Разина походный атаман Лазарка Тимофеев выхватил саблю, крутнул ею над головой и с криком «Неча-ай!» кинул коня на стену вражеской конницы.

– Неча-ай! – тут же подхватил боевой клич донцов Михаил Хомутов, взмахнул несколько раз саблей над головой, словно разминая мышцы тела, и, не оглядываясь на своих конных стрельцов, следом погнал жеребца, набирая скорость. И сшиблись! Заискрилась от звонких ударов сталь о сталь, захлопали торопливые пистолетные выстрелы почти в упор, когда каждый старается опередить своей пулей пулю врага, и кони, словно озверевшие псы, вставали на дыбы и грызлись, настолько ярость людей передавалась их верным боевым товарищам – коням. Почти в упор бабахнул пистоль, около щеки жикнула пуля, в лицо ударило пороховой гарью, Михаил, не успев охнуть, отбил саблю молодого драгуна, и по этому полуробкому удару понял – новичок в седле, быть может из московских посадских, а может, из даточных черносошенных крестьян по прибору послан в войско.

– Куда лезешь, зелень огородная! – закипая злобой сечи, выкрикнул Михаил – и все же пощадил незнакомого ему человека, сдержал смертельный удар, плашмя огрел по голове, отчего вчерашний малолеток кулем свалился из седла.

Слева и справа, прикрывая своего сотника, секлись Никита Кузнецов, рядом с Никитой сущим бесом в седле вертыхался побратим Ибрагим.

– Та-ак-сяк! Т-а-ак-сяк! – непонятно к чему выкрикивал во всю глотку смуглолицый и горбоносый кавказец и сек тяжелой адамашкой направо и налево. Рейтары норовили уклониться от встречи с его длинной замашистой адамашкой, но не всякому удавалось проскочить мимо страшного в сече горца.

– Миша, смотри! Лазарку обходят! – подал знак беды Никита, а сам так некстати схлестнулся с усаатым рейтаром в железной шапке. Никита в седле черту подобен, но и поединщик ему достался бывалый, хлещет саблей с бока на бок, не дает Никите перехватить инициативу.

Тут и подоспел Еремей Потапов, скакнув на полконя вперед Кузнецова, он сбоку жиганул уса-того по незащищенной шее. Слетела голова в медной шапке, а туловище осталось какое-то время в седле, потом рухнуло под конские копыта.

– Лазарка, держись! – во всю мочь горла закричал Михаил Хомутов, опасаясь, как бы походный атаман, не видя близкой помощи, не дрогнул под натиском наседавших трех рейтар.

– Держусь! Не взять им запросто донского казака! – отбиваясь саблей и стреляя левой рукой из пистолей, откликнулся Лазарка, не обращая внимания на кровь, – пулей, кем-то выпущенной справа, ему сорвало кожу на подбородке. – Руби боярских прихвостней!

Михаил Хомутов поддал коню в бока, догнал Лазарку Тимофеева и за пять шагов, опасаясь опоздать, из пистоля жажнул в высокого ростом, ловко управляющего конем ротмистра, который уже обходил походного атамана с правого бока – еще бы несколько секунд...

– Нечай! – ревел за спиной сотника всегда сдержанный и молчаливый Гришка Суханов. У него с головы кто-то ухитрился сбить шапку, и он своими рыжими волосами так резко выделялся среди всадников, которые в невероятной сутолоке вертелись друг около друга, выискивая удобный случай нанести роковой удар саблей.

– Секи-и воеводских псов!

– Бей воров! Бей изменщиков!

Яростная конная сеча шла не более десяти минут, а Михаилу Хомутову казалось, что день уже клонится к вечеру, столь давно носилась смерть над его головой. И вдруг тупой удар в левый бок едва не оказался роковым – только отбил саблю спереди, а тут чья-то прицельная пуля, намеченная ему в живот, ударила в пистоль, сунутый за пояс, срикошетила и ожгла тело.

– Сядь на землю! – медведем рывкнул наскочившему на сотника рейтару Никита Кузнецов и саблей, уже обагренной кровью, наискось полоснул по мундиру. И к Михаилу с тревогой: – Ранен? Тяжело?

– Пустяк, кожу рвануло! Смотри, что это рейтары растекаются надвое? Задумали какую хитрость?

И в самом деле, рейтары, должно быть, не выдержали удара конницы разинцев, подались назад, подставив незащитные спины разгоряченным сечей казакам. Казаки с радостными криками погнались, но через полверсты рейтары резко отвернули в обе стороны.

– Сто-ой! Сто-ой! – как можно громче закричал Лазарка Тимофеев, таким образом пытаясь остановить разогнавшихся коней казаков.

– Сто-ой! – заорал не своим голосом Михаил Хомутов, ранее других заметив, как из густых зарослей приречного кустарника плотными рядами начали выходить пешие солдаты иноземного строя – новое войско, для обучения которого царь Алексей Михайлович пригласил иностранцев. Вслед за солдатами на открытое место выкатили пушки.

– Назад! Отходи быстрее! – командовал Лазарка, и сотники конных казаков поспешно поворачивали своих людей прочь от опасности.

Казачья лава начала осаживать коней, поворачивать назад, от реки Свияги... И здесь грянул адский по силе залп пушек и пищалей. Михаил Хомутов непроизвольно вскинул к лицу правую руку с саблей, словно так можно было защититься от смертоносного свинца. Вокруг него повалились на землю несколько всадников, кто именно, он разглядеть не успел, не до того было, другие крутили коней на месте, как бы раздумывая, слушать команду походного атамана или кинуться на железную, казалось, стену солдат в колонтарях¹⁹ и с железными шапками. И десятка три отчаянных казаков, видя, что при развороте конной лавы они все равно окажутся сзади всех и новый залп из пушек сметет их на землю, кинулись к пушкам, чтобы постараться изрубить пушкарей или хотя бы помешать им спешно зарядить орудия, да каких-то двадцати саженьей не хватало – ударил повторный залп пищалей, и легли казаки на землю, почти все

¹⁹ Колонтарь – доспехи из блях и колец, среднее между латами и кольчугой.

вместе с боевыми конями, только три коня, высоко вскидывая головы, помчались прочь вдоль приречных зарослей тальника...

Вымчались из леса свежие рейтары, кинулись на смешавшиеся казацкие ряды, и попятись казаки, оставив под пушечными ядрами и пищальными пулями многих своих товарищей.

– Батка! Батка-а идет! – возликовали конные разинцы, когда увидели, казалось, несметное казацкое войско, идущее под звон литавр с пушками, со знаменами. Это пешее войско, не останавливая шага, осадило воеводских конников плотным залпом, дало возможность конным казакам отойти на фланги, привести себя в порядок и перестроиться для новой атаки лавой.

Бабахнули пушки с той и с другой стороны, ударили пищали, били почти в упор, а потом в яростном остервенении, словно потеряв присущее человеку чувство страха, сошлись в неистовую рукопашную схватку. Сошлись так, как еще ни разу не сходились, положив все без остатка в эту последнюю, казалось бы, резню. Будто не будет не то что дня, но и часа на роздых, на раздумье. Били прикладами, бердышами, били кулаками, секли саблями, полосовали друг другу грудь и живот кинжалами и засапожными ножами, рвали в нечеловеческой злобе горла и глаза, за что удавалось схватить словно закаменевшими от напряжения пальцами. Дрались наверху конные, дрались посередине пешие, добивали друг друга внизу упавшие, и над огромным полем боя стоял неопишуемый, как при конце света, должно быть, будет, гул из выстрелов, ржания коней, человеческих криков, проклятий и предсмертных стонов.

Если бы небеса могли не только слышать, но и чувствовать!

И вот, когда чаша весов стала уже клониться на сторону более многочисленного и более яростного в драке войска атамана Разина, случилось то, чего никто не мог даже и предположить. Чей-то душераздирающий крик, словно кнутом не по телу, а по обнаженному сердцу полоснул:

– Батку уби-и-ли!

И этот крик враз, будто злой рок, вырвал неминуемую победу из рук казацкого войска²⁰.

Михаил Хомутов, услышав этот вырвавшийся из чьей-то пронзенной болью души вопль, ударил коня и сквозь дрогнувшие свои же ряды стрельцов кинулся в ту сторону. А там, где с коня упал Степан Тимофеевич, во всю силу кипела резня, ибо то, что здесь творилось, трудно было даже боем назвать. На выручку неожиданно сраженного атамана кинулись донские казаки, запорожцы атамана Бобы, Лазарка Тимофеев с ближними к нему казаками, конные татары с Мишкой Ярославцевым и Оброськой Кондаком. Туда же со своей полусотней конных стрельцов врзался и Михаил Хомутов, отбивая рейтар в сторону, давя взбешенными, как и люди, конями пеших солдат и стрельцов воеводы Борятинского: каждому хотелось лично ухватить казачьего атамана и тем получить от государя невиданную для ратника награду.

И пронесся над войском повторный, радостный теперь крик:

– Жив батка! Жив! Сбrehали гады, что батку убили! Неча-ай!

Но дальние, не зная самой истины, уже дрогнули и начали отходить к острогу, а едва только оторвались от противника, тут сказалось его преимущество в огненном бое: на каждое ружье у казаков воевода имел вдвое больше. И пушки, захваченные рейтарами, уже не сдерживали напора воспрянувших духом солдат.

Огрызаясь, раненное в самое сердце несчастьем с любимым атаманом, которого, думалось, и сабля не рубит и пуля не берет, войско частью укрылось в остроге, а частью в обозе, который был заранее, по казацкому обычаю, обнесен неглубоким рвом и валом с частоколом поверху. Не много казаков попали в руки воеводы Борятинского, всего сто двадцать человек, большинство из них раненные или контуженные пушечной стрельбой. И почти всех, оставив

²⁰ Из отписки полкового воеводы П. Урусова: «А ево, вора Стеньку, самово было жива взяли, и рублен саблею, и застрелен из пищали в ногу, и едва ушел. А изымал де было ево алатарец Семен Силин сын Степанов, и тот де Семен над ним, вором Стенькою, убит...»

только стрельцов из понизовых городов, воевода тут же, на виду товарищей, приказал посечь саблями...

Атаманов есаул Оброська Кондак сыскал Михаила Хомутова среди самарских конных стрельцов, негромко обсуждавших перипетии минувшего сражения, взял за руку и отвел подальше от посторонних ушей – а стояли они теперь на верхней стене против кремля, недалеко от все еще тлеющей и дымящей груды дров под стенами.

– Лазарка Тимофеев мне на тебя указал, сотник, как на человека, готового за атамана голову положить, – а сам смотрит испытующе острым взглядом и будто в раздумье шевелит длинными черными усищами: не исключено теперь, когда атаман тяжело ранен, кому-то от страха захочется и в сторону отбежать, пока жареным не запахло!

– Не только я, но и вся полусотня... – начал было уверять есаула Михаил Хомутов, готовый на любое дело ради атамана.

– За всех не ручайся, сотник. Предают не чужие, свои же, – довольно резко прервал его Оброська Кондак. – Атаману худо от ран, он то и дело теряет сознание, а очнувшись, саблю ищет и в сечу норовит кинуться сызнова... Крестная его матушка Матрена Говоруха теперь хлопчет около него, а ей в подмогу сын ее Яшка да зять Ивашка Москаль, чужих никого и близко не подпускают. Так вот, порешили походные атаманы Лазарка да Ромашка с Ярославцевым отнести Степана Тимофеевича на его струг, там же продолжить лечение.

– Уходим из Синбирска? – удивился Михаил Хомутов. Несмотря на неудачу минувшего дня, он чувствовал, что сражение еще можно выиграть, сил для того достаточно. Да если, к тому же прослышав о приходе к Синбирску воеводы Борятинского, сюда днями подойдет со свежими отрядами с засеки Василий Серебряков или и от походного атамана Харитоновой помощь грянет тысяч в десять казаков, то быть воеводе опять битому!

– Не уходим, сотник, а в ночь сызнова запалим дрова и будем жечь кремль. Перебежчики сказывали, что не много у воеводы Милославского в городе воды припасено, там один всего худой колодец, скоро нечем будет на стену поливать. Тут мы и кинемся на кремль. Ну а случись какая негаданная неудача? В сутолоке сражения не просто будет Степана Тимофеевича на носилках из острога на берег выносить. Казаки увидят и вовсе духом упадут, подумают, что атамана спасают донцы, а их хотят бросить на волю воеводам.

– Что мне делать? – нетерпеливо спросил Михаил, готовый выполнить любое поручение, лишь бы облегчить участь войска и атамана, а сам с тоской на сердце успел подумать: «Только бы выжил Степан Тимофеевич, иначе войско и в самом деле страхом наполнится, робость в души войдет».

– Тебе и твоим стрельцам выстроиться цепочкой вдоль волжской кручи и стеречь, чтобы никто не лез к речному спуску до стругов. И чтобы никто не прознал о переносе атамана. Начнут толковать по-всякому, а дурной и вовсе заорет, что атаман войско кинул!

– Когда идти в охрану? – уточнил Михаил Хомутов, в уме прикидывая, хватит ли его полусотни стрельцов закрыть нужное место?

– А как кинутся казаки на приступ кремля или учнут хорошенько поджаривать воеводу, так и понесем атамана в закрытых носилках. С ним в охране будут верные донцы с Мишкой Ярославцевым. Походные атаманы будут с войском кремль добывать и воеводу Борятинского к городу не допускать, чтоб приступу не мешал.

– Уразумел. Сей же час выведу своих стрельцов конно из острога к берегу. Когда изготовитесь переносить Степана Тимофеевича, дайте знак людям выстроиться.

На том и разошлись. Созвав своих стрельцов, Михаил Хомутов вышел с ними из острога и расположился недалече, так что виден был и острог, и насыпной вал с башнями, и горы вновь заготовленных дров для примета к кремлю, и струги, ткнувшиеся носами в песок, под стать несчетной гусиной стае, подплывшей к берегу подкормиться. Быстро ступались сумерки, из острога пошли к насыпному валу и встали за ним тысячи казаков, готовые к последнему – это

уже все понимали – приступу. На башни подняли оставшиеся в войске пушки. Ударили первые залпы, и по знаку Лазарки Тимофеева по цепочкам потекли приметные туры – тугие пучки соломы, в которые были заложены порох и сухие щепки для лучшего воспламенения. Теперь уже сами казаки, пометав часть дров в туры, кинули вслед за турами зажженные факелы, вызвав под стенами новое пожарище. Со стены кремля вниз плескали ведрами воду, какие-то мокрые полотнища, стараясь притушить все растущее и растущее пламя, – шла борьба не на жизнь, а на смерть, это понимали обе стороны.

Близилась полночь, когда дозорные казаки вывели из мрака к острогу какого-то человека. Михаил Хомутов тут же подъехал узнать, кто и зачем явился среди стана – казаки держали рейтара, и тот, признав в Хомутове сотника стрельцов, огорошил его:

– Доставьте меня к Степану Тимофеевичу! Государево, то бишь, атаманово слово и дело!

Обыскав рейтара, Михаил Хомутов усадил его на коня и с Никитой Кузнецовым быстро доставил к приказной избе. Степан Разин был еще здесь в окружении казаков, присланных к нему для охраны и посылок. При атамане безотлучно был Левка Горшков с костылем, Ивашка Чикмаз, Мишка Суздалец и Алешка Холдеев для письменных дел. У изголовья, словно две степные каменные бабы древних скифов, стояли с саблями наголо Яков Говоруха и Иван Москаль, а в уголке, около небольшого столика, чем-то занималась сама Матрена Говоруха.

– Кого, сотник, привел? – Степан Тимофеевич лежал на широкой лавке на подушках, чтоб видно было людей. На бледном от потери крови лице лихорадочно горели темно-карие глаза, кудрявые волосы – в легкой испарине. Видно было, что атаману сильно недужилось, хотя Матрена Говоруха и старалась всеми силами травами помочь раненому, подавая разные снадобья.

– Похоже, перебежчик, атаман, – ответил Михаил Хомутов и провел рейтара поближе к постели, следя за каждым его движением: кто знает, вдруг кинется на Степана Тимофеевича? Теперь и доброго удара кулаком по рубленой голове будет достаточно для казацкого предводителя...

– Батюшка атаман, из московских посадских я! Ждем мы тебя, батюшка, на Москве как избавителя от боярской неволи! Многим из нас памятно и восстание во Пскове двадцать лет тому назад, и еще недавние московские бунты «соляной» да «медный»! Не все тогда бунтовавшие повымерли²¹. Но здесь я прибежал предупредить тебя, батюшка атаман, что воевода Борятинский выслал полковника Андрея Чюбарова с полком и велел ему, обойдя твой стан, выйти к монастырю и оттуда грянуть на струги. Без струг, дескать, воровскому войску придет погибель, так ругался воевода. А я с поводом полковничьего коня стоял неподалеку, слышал.

– Вышел уже тот полковник?

– С полчаса минуло, как двинулся тот полковник вдоль Свяги. Я в темноте поотстал, да и своротил к вашему стану.

Степан Разин пытался было шевельнуться, но нареченная матушка Матрена, сверкнув на рейтара гневным взглядом, тут же шикнула на атамана тихим, но строгим голосом:

– Не моги ворошиться! Кровища опять хлынет! Пушай хоть малость затянется битое место!

– Мишка, – Степан Тимофеевич подозвал к себе Ярославцева, – не мешкая, собери донских казаков, кои в моем резерве стоят, и мечись к стругам! Буде тот полковник кинется от Свяги к монастырю, секите нещадно... Кто там еще? – забеспокоился атаман, прослышав чьи-то поспешные шаги в сенцах.

В комнату почти вбежал Лазарка Тимофеев, сорвал с головы шапку, глотнул из ковшика холодной воды, выпалил одним махом:

²¹ «Соляной бунт» был в 1648-м, «Медный» – в 1662 году.

– Батька! Воевода Борятинский лезет к городу с Крымской стороны! Там его солдаты иноземного строя! А конных рейтар целит в обход кремля, где наш насыпной вал! – увидел перебежчика, с удивлением двинул только что нахлобученную измятую шапку от вспотевшего лба к темени. – А сей рейтар что здесь делает? Подослан?

Узнав, что перебежчик известил о марше полковника Чубарова к монастырю, Лазарка шагнул к постели и строгим тоном заявил:

– Тебе, батька, более здесь быть не мочно! Солдаты и рейтары с московскими стрельцами могут ворваться в острог, – и к Михаилу Ярославцеву: – Положите атамана на носилки и живо на струг! Сотник Хомутов, ты знаешь, что тебе делать?

– Да, иду! – коротко ответил Михаил Хомутов, где-то в душе начиная сознавать, что наступил роковой час если не всего похода казачьего войска, то теперешнего сражения за Синбирск. В таком смятении он и вышел на подворье. Под кремлем, будто из адского зева, полыхало пожарище, с южной стороны города уже шла перестрелка с солдатами воеводы Борятинского и с московскими стрельцами, которые вышли из кремля и соединились с пришедшими им на помощь полками. По самому острогу, теперь уже не жалея пороха, били пушки осажденного воеводы Милославского.

– Идемте, други, – созвал Михаил Хомутов Никиту и Еремея, который не выдержал ожидания и приехал тоже к своему сотнику. – Похоже, теперь мы со всех сторон в осаде, так усилился войском воевода Борятинский? И теперь нам не до сдобных калачей, и черному ржаному сухарику будем рады-радешеньки!

– Эко у нас вдруг получилось! – сокрушенно вздохнул Никита, одним махом взлетая в седло. – Как у того упрямого воеводы в присказке, который кричит своему дьяку: «Не делай своего хорошего, а делай мое худое!» Тако и мы – не делаем своего боя, а как воевода нам навяжет. А это чертовски плохо, братцы!

– Вот-вот, – в тон Никите невесело пошутил и Еремей, во тьме чертыхаясь из-за неровной дороги, отчего конь то и дело спотыкался. – Разверстали, да на прежнем и стали! Будто и не бились целый месяц под клятым кремлем!

Михаил, стараясь ободрить друзей, высказал свое соображение:

– Не совсем здесь по-прежнему, дружище Ерема! Месяц назад мы одни подошли к Синбирску с немногими силами, а теперь наши походные атаманы вона куда залетели! Мало не под Москвой бьются!

– То так, – согласно поддакнул Никита, а в голосе чувствовалось сильное разочарование теперешним состоянием войска. – Да кабы они в эту ночь сюда слетелись атаману в подмогу! Эх и настрогали бы мы из здешних воевод тонких лучинок!

Быстро расставив своих конных стрельцов так, чтобы перекрыть голое место от острога до спуска к Волге, Михаил ждал, когда на носилках пронесут атамана. Через десять минут прошла с корзинами снадобий сторбленная, вся в черном Матрена Говоруха, ей помогал нести корзинки сын Яшка, затем прошли десятка два самых доверенных атамановых донцов, которые были с ним еще в знаменитом персидском походе, за ними четверо казаков пронесли носилки – атамана укрыли рядом, так что со стороны и не заметишь, кого несут. За атаманом пронесли еще десятка два пораненных, в том числе и Левку Горшкова. Правда, этих рядом не укрывали. Спустя малое время несколько сот конных казаков наметом ушли к монастырю и пропали в темноте.

К Михаилу Хомутову подъехал Оброська Кондак, нервно осмотрелся по сторонам, задержав взгляд на насыпном валу, где шла яростная пальба из пищалей с обеих сторон, и передал повеление от Лазарки Тимофеева:

– Спускайтесь к монастырю. Чу – там пальба началась, похоже, полковник Чубаров и в самом деле уже на подходе к стругам! Будем всем войском отводом отходить к стругам. Поспешайте!

– За мной! – негромко сказал Михаил Никите и Еремею и поскакал вдоль цепочки своих стрельцов, забирая их с собой, чтобы уже пеши спуститься по круче к волжскому берегу.

А за спиной в зареве пожарища под кремлевской стеной разгорелось кровавое сражение. Солдаты воеводы Борятинского штурмом ворвались через частокол в острог, били залпами из пищалей по плохо вооруженным казакам, не давая им возможности приблизиться большим числом и ввязаться в рукопашную драку. Воспрянули духом и обозленные голодным сидением в осаде стрельцы воеводы Милославского. Не заботясь теперь более об удержании Синбирского кремля, они отворили ворота и хлынули через ров к острогу, забросав его зажигательными бомбами. А со стороны Казанской дороги по казакам, изготовившимся к приступу кремля от насыпного вала, ударили конные рейтарские полки. И всякий раз, когда во главе своих походных атаманов казаки кидались в рукопашную сшибку, рейтары тут же отходили, стрельцы Милославского били залпами, не допуская до себя близко. Вдобавок ко всему за спиной войска у монастыря тоже вспыхнула жестокая перестрелка – это полк Чубарова наступал на казацкие струги.

И дрогнуло малооружное, почти не обученное казацкое войско. Поначалу организованно, а потом разрозненными группами потекли в разные стороны – из острога стали пробиваться на запад, к засечной черте, от насыпного вала хлынули к берегу, а кто оставался в остроге, те, охваченные со всех сторон огнем, гибли в драке со стрельцами; горел частокол, горели подожженные стрельцами дома и дворовые постройки.

Видя, что рейтары густо бегут от темного в ночи монастыря, сбивая слабые казацкие заслоны, и вот-вот достигнут берега, и тогда им всем погибель, Михаил Хомутов громко крикнул своим стрельцам:

– Всем в струги! Быстро! Хватай весла! Никита, все, кто с пищалами, на корму живо! Пали по рейтарам, чтоб не вязались!

Самаряне вскочили в ближний струг, к ним уже успели впрыгнуть с десятков чужих казаков, разобрали весла и ударили ими по воде. Кто-то охнул и с пулей в голове ткнулся лицом в палубу, кто-то в ответ пустил в освещенных луной рейтар ответные пули... Оторвавшись от береговой кромки, погнались вслед другим стругам, подстегиваемые частой и уже не опасной на расстоянии стрельбой вослед.

Лукавил против истины в своей отписке полковой воевода Петр Урусов, лукавил, конечно, со слов воеводы князя Юрия Никитича Борятинского, что, прознав о движении полка Чубарова к монастырю, близ которого у берега стояли струги, Степан Разин «в память не пришел и за 5 часов до свету побегал в суды с одними донскими казаками. И астраханцев, и царьцынцев, и саратовцев, и самарцев покинул у города и их обманул, а велел де им стоять у города и сказал им, будто пошел на твоих, великого государя, ратных людей, которые были с князем Юрием Никитичем Борятинским. И как он, вор Стенька, побегал от Синбирска в судах, и он де князь Юрий Никитич, с конными людьми вышел на поле и стал около города, а пехоту пустил на обоз вора Стеньки Разина и в острог. А окольный и воевода Иван Богданович Милославский со всеми твоими великого государя ратными людьми вошел в острог же, и воров и изменников, которые под городом были в остроге, побил наголову да языков взял более 500 человек. А которые де пробивались к судам, и тех в Волге всех потопил. А было де с вором Стенькою воровских людей и казаков с черты и из уездов с 20 000...».

Лукавство воевод объяснимо желанием очернить атамана предательством, чтобы впредь ему на слово веры не было среди простого люда. В своем показании очевидец и участник этих боев Г. Трофимов, сообщивший сведения о перебежчике рейтаре в канун решающего сражения, на спросе сказал: «И вор де Стенька пометался в струги с лехкими людьми. А остальные шли к стругам отводом...»

Другой свидетель показал, что на Самаре Степан Разин оставил «пристальных людей», стало быть, не одни донские казаки ушли из-под Синбирска, но и те, кто к нему «пристал», т. е.

те же самарские, саратовские, царицынские и других городов стрельцы и посадские. А иные ушли со Степаном Тимофеевичем и дальше, до Царицына и до Астрахани.

3

– На атамановом струге вздыбили парус! – крикнул с кички синбирянин Федька Тюменев, который, сам того не ведая, вместе с Тимошкой Лосевым и Герасимом Константиновым ночью вскочили в один струг с самарянами и немало тому порадовались – все же знакомцы, не совсем чужие.

– Сотворить тако же! – тотчас повелел Михаил Хомутов, и стрельцы, свободные от весел, сноровисто подняли парус, который поймал не сильный, но все же попутный ветер, и струг пошел быстрее.

Пока была ночь и мрак густо укрывал землю и Волгу, струги плыли, как придется, иной раз обгоняя друг друга, даже не окликая: боялись воеводской погони – на берегу у Синбирска, около монастыря, было в спешке оставлено не менее ста стругов, в том числе и струг якобы бывшего с ними патриарха Никона. Но к рассвету уразумели, что погони за казаками нет. Должно быть, воевода и князь был настолько увязшим в продолжавшемся сражении, что ему было не до бежавшего вниз по Волге атамана Разина и его немногочисленного теперь воинства. Так оно вскоре и оказалось – из-под Синбирска ушли немалые сила повстанцев, и воевода уже 9 октября кинулся усмирять их по Синбирско-Корсунской линии крепостей. И князь воевода Милославский не отважился оставить кремля, пока вся округа еще полыхала огнем восстания...

С восходом солнца казаки огляделись и без какой-либо команды выстроились за атамановым стругом, выказывая этим, что они готовы следовать за ним по его воле. Рядом со стругом атамана Разина плыл струг царевича Алексея. Только песен и смеха не слышно, всяк думал о недавнем ночном сражении, тревожились за жизнь атамана. И у всех была одна и та же печаль – неужто крах всему? Неужто это конец великого дела и не найдут они больше силы собраться на новый поход против злехидного боярства?

Плыли за атаманом, не зная, каков он, кто из верных сподвижников с ним. А может быть, и вовсе в живых уже нет верных атамановых есаулов? Как расправляется воевода Борятинский с попавшими в его руки казаками, воочию видели после боя на реке Свияге под Синбирском!

Ближе к полудню с атаманского струга передали по цепочке команду – сообщить, кто в струге за начального и сколько людей, да сколько оружных и раненых? Впереди идущие струги прокричали о себе, а потом и Михаил Хомутов подал весть:

– Струг самарского сотника Хомутова! А людей самарян тридцать восемь, да саратовских пятеро, да синбирян трое! Все оружны, а раненых несильно четверо!

Потом кричали с идущих позади стругов и узнавали понемногу, что не совсем пустые струги плывут за ними, а с силой – не с такой, конечно, как вверх по Волге шли, но и не совсем порожние.

– Ништо-о! – стараясь приободрить друзей, проговорил веселым голосом Никита и подмигнул хмурому Еремею Потапову. Чудом выбравшийся из темницы синбирского кремля и теперь уверовавший во всеильные заговоры княжны Лукерьи, Никита осторожно потрогал под кафтаном вскользь задетое пулей рейтара левое плечо. – Ежели перекликает атаман свое войско, знать, о новых сражениях думает! – И криво усмехнулся, вспомнил от стариков прежде слышанное: – Пообедав да перекрестившись, теперь не сунемся вторично к столу – научены крепко!²²

– Только бы Степан Тимофеевич побыстрее оклемался! – сокрушенно выговорил Еремей Потапов, словно и в этом, как и в победе воеводы Борятинского, была и его существенная доля вины. – Надо же такому случиться – совсем наш верх выходил, а не уберегли казаки атамана...

²² Кто пообедав и перекрестясь, вторично сядет есть, у того крестники умирают (*народная примета*).

– Далеко вперед вымчал на коне, неумный! – буркнул за спиной сотника Хомутова старый Перемыслов, осуждая атамана. И тоже вздохнул сокрушенно, с тоской в голосе. – Сколь добрых людей посечено да в лапы воеводы ухвачено! Возликует теперь жадная к крови человеческой душа воеводская!

– Правда твоя, Федор. И наши вот не все здесь. Может, на другие струги, которые впереди плывут, вскочили, – согласился Еремей Потапов, не видя рядом дружка Гришку Суханова.

Федор Перемыслов держал подле себя одного сына, Ивашку, а второй, Васька, невесть где, потому и хмурился старый стрелец, поглядывая вперед. Да со струга на струг не перескочишь, чтобы отыскать сына. Зато оба брата Пастуховы, сыновья в Самаре убитого майором Циттелем стрелецкого сотника Михаила Пастухова, рядом, гребут веслами вместе с иными самарянами, помогая парусу. Истинное положение прояснилось, когда через двое суток беспрепятственного хода приблизились к устью реки Ахтушки, свернули в протоку, которая на расстоянии двух верст проходила от реки Усы около Усолья. Атаманов струг, убрав парус, повернул к берегу. Иные струги ткнулись рядом, по правому берегу протоки. С головного струга заметили конный дозор из пяти всадников, дали знак приблизиться.

И какова была радость самарян, когда в начальнике дозора они признали сотника Ивашку Балаку! Уверовав, что в Усолье пришли струги атамана Разина, а не воеводы Борятинского, Балака тут же подъехал к атаманову стругу и по сходням взбежал на палубу. Степан Тимофеевич лежал на переносном топчане, обложенный подушками, и по тугим желвакам на скулах видно было, что терзают его сердце не только муки от сознания поражения под Синбирском, но и боли телесные – на белой повязке с виска и до щеки просачивалась кровь, правда, уже не таким широким пятном, как днем раньше, и это вселило веру, что снадобья матушки Говорухи скоро вовсе поправят атаманово здоровье.

– Ты, сотник, дюже не кричи, – предупредил Ивана Балаку походный атаман Лазарка Тимофеев. – Говори ровным голосом. У батки голова и без того звенит внутри, видишь, рублен он саблей. Сказывай, как у вас тут, в Усолье? Крепко стоите? И нет ли поблизости воеводских рейтар альбо солдат, в угон за атаманом посланных? Что слышно о конфузе под Синбирском?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.